

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В СЛАВЕЛЬСКОМ КНЯЖЕСТВЕ**

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

**НИКОЛАЙ
НЕТОДНИК**

Сергей Шкенёв Николай Негодник

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4885309

Николай Негодник : фантастический роман: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-60491-3

Аннотация

В богатом Славельском княжестве было все. Или почти все... Домовые, лешие, русалки, водяные, даже Змей Горыныч. Одного там не хватало... Человека из нашего мира! Того самого мира, где жил Николай Шмелёв, которому не везло. Все его попытки сделать карьеру менеджера или сисадмина заканчивались плачевно для... места работы. Зато в Славельском княжестве Николай сделал головокружительную карьеру. И от головокружения от успехов, как водится, вляпался по самое некуда... Пришлось впрягаться в международные разборки, набирая самую разношерстную команду в мире. Ведь Родине неважно, кто ты – пришелец из будущего, домовой с боевой саламандрой, бывший граф Бертран де Куртуаз, да хоть полковник лешачьего спецназа на деревянном танке... Если ты готов умереть за Родину – значит, русский!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	53
Глава 4	69
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Шкенёв

Николай Негодник

Выражаю признательность литературному форуму «В вихре времен» за моральную и техническую поддержку.

Отдельное спасибо моим добровольным редакторам и корректорам.

И особо:

Акимову Сергею – командиру моих запятых;

*Туробову Андрею – в споре с которым
рождалась истина;*

*Кулькину Александру – с которого списан один
из героев;*

*Плотникову Евгению – за одобрение и
поддержку.*

Пролог

Славель. Наши дни

Густой, почти черный чай мощной струей ударил в донышко чашки, и попавшие под водопад чайники закружили свой вечный вальс. Медленно и немного грустно. Откуда взялась эта грусть, Николай не знал, только предчувствие чего-то необычного щемило сердце и заставляло его биться быстро-быстро, отдаваясь легкой дрожью жилки на виске.

Чаепитие в жизни русского человека вообще, и Коли Шмелёва в частности, – это не просто утоление банальной жажды. Это особый ритуал, можно даже сказать, традиция. Ну, куда там японцы со своей чайной церемонией суются. Ерунда все эти церемонии. Ну, представьте сами, какая-то мойша месит веником в фарфоровом блюдечке, пока оттуда пена не пойдет. Там же все остынет, пить-то нечего будет. Разве что этот самый веник облизать. Может, конечно, не мойша, а гейша чай готовит. Но в этом Коля уверен не был и, кроме японой матери из их мифологии, ничего не помнил. Японцы вообще народ странный и пониманию нормального человека не поддающийся.

А настоящая русская чашка для чая должна представлять собой сооружение монументальное, вместимостью никак не менее полулитра. Сам чай чтоб цвета мореного дуба, горячее адского пекла и вулканической лавы. От такого напитка все болезни в организме корчатся в страшных муках и, померев наглой смертью, сваливают прочь... Да в общем, какая разница, как сваливают, главное – результат.

После утреннего чая особенно вкусной кажется первая сигарета. Теплая погода позволяла выкурить ее на балконе, уютно развалившись в продавленном кресле и закинув ноги на перила. Погода позволяла, но мешала целая связка тощих прутиков. Не далее как вчера они были привезены с рынка, где ушлыми продавцами были нагло обозваны саженцами. Может, так оно и было. Но вот из-за них пришлось просы-

паться так рано утром. Даже не утром, еще полноценная ночь на дворе.

Но когда-то и где-то Коля читал, что деревья, посаженные на рассвете, приживаются лучше и растут быстрее. Сам Шмелёв в агрономии ни ухом ни рылом и из всего сельского хозяйства хорошо знал только самогонварение, поэтому к подсказке специалиста отнесся с уважением. К тому же в журнале была и фотография ученого – лысый, в очках и с бородой. Именно так и должна выглядеть настоящая интеллигенция.

Себя же Николай к интеллигентам не относил, несмотря на высшее образование, и вид имел соответствующий – ростом выше среднего (сантиметров на двадцать пять), в плечах примерно половину того, временами добрые глаза и чуть рыжеватые усы. Да еще кулак потомственного кузнеца размером с пивную кружку.

В приоткрытую балконную дверь с кухни потянуло чем-то очень вкусным – у плиты уже колдовала жена. Коля просунул нос чуть не на середину кухни. Это не нос такой большой, просто квартира маленькая:

– Что у нас на завтрак?

– А на завтрак у нас блины.

– Опять?

– А что, не нравятся? Тогда сам себе готовь, – парировала замечание дорогая супруга.

– Это с какой стати? – удивился Николай. – А зачем я то-

гда вообще на тебе женился?

– Не знаю про женитьбу, а вот твоя самостоятельность мне не нравится!

– Что значит – самостоятельность?

– То и значит. Все сам да сам стараешься делать. Аж перед соседями неудобно. Ну что ты за бизнесмен такой, весь в стружках да цементе? Все нормальные люди давно бы уже бригаду молдаван наняли.

Коля хмыкнул в усы:

– Вот ты про что. Ну, я же не виноват, что у меня руки из правильного места растут в отличие от тех же соседей. Десять лет работы в кузнице бесследно не проходят.

Татьяна только вздохнула.

– И опять пешком?

– Да пусть «Пчелка» отдохнет хоть в выходные. Совсем загоняли бедолагу. К тому же по дороге пива куплю. И потом, полтора километра просто в удовольствие пешком прогуляться.

– И саженьцы пешком понесешь? Вон сосед даже за хлебом на внедорожнике едет.

– И это хорошо? Тем более его задницу, кроме как на полном приводе, и не увезешь!

– Да что тебе его задница? Лучше в зеркало на себя посмотри. Длинный, тощий, смотреть страшно.

Коля бросил взгляд в пыльное зеркало, зачем-то вместо помойки вынесенное на балкон. Изображение критически

оглядело хозяина, но не отвернулось. Вполне приличный вид! Разве что слегка худощавое лицо. Но кто сказал, что для красоты щеки должны на грудь свисать?

Но без ответа критику, тем более несправедливую, оставлять не стоит.

– А ты меня кормить нормально пробовала? Или ты называешь нормальным питанием свою вегетарианскую стряпню?

– Мясо – это мертвые трупы зверски убитых животных.

– Угу, – кивнул Николай. – А что, бывают еще и живые трупы?

Татьяна возмущенно брякнула сковородкой:

– Ты ничего не понимаешь! Поедание мяса вредит твоей карме!

– Наплевать, лишь бы чакры не отвалились. Но если на ужин не приготовишь хотя бы щи – домой не вернусь.

Много ли надо времени на сборы бывшему гвардии сержанту? Натянул старые джинсы, свитер, любимые растоптанные кроссовки, и вперед. На плечо сумку с обедом, пару пачек сигарет по карманам, хвост под мышку, и через пять минут Николай уже весело спускался по лестнице, перешагивая сразу через две ступеньки.

Но хорошее настроение быстро было сбито удушливой вонючей волной, поднимающейся снизу. К большому сожалению, эта волна несла с собой не менее ароматную пену. Навстречу пытался карабкаться по лестнице уже неделю не

просыхающий сосед. Судя по запаху, он не просыхал и снаружи тоже.

– А, Никола! – обрадовался он неизвестно почему. – А я вот думаю...

– Ты еще и думать умеешь? – совсем не вежливо удивился Николай. С таким трудом появившаяся соседская мысль растерялась и скрылась в неизвестном направлении мелкими перебежками. На морде появилось искреннее недоумение. Скорее всего, оно забрело на эту морду совсем случайно.

– Да я же... ну, значит, эта... А выпить будешь? – Из карманов неожиданного благодетеля торчали горлышки нескольких бутылок.

– С тобой, что ли, геморроем непарнокопытным? – Пить бормотуху на лестнице никогда не входило в жизненные привычки Шмелёва, к тому же с утра даже от коньяка бы отказался.

– Это почему непарнокопытным?

– Да это так, к слову. – Сегодня Николай был крайне миролюбив. – Я ж у тебя, козла, копыта не пересчитывал. Вот зубы могу запросто.

– Ну, ведь я же выпить предлагаю. – Тяжелая работа остатков мозга сопровождалась подмигиванием и причмокиванием. – Это же бесплатно! Халява! Ты что – не русский?

Тяжелый удар ногой в грудь расплескал мецената по стене. Влажно хлопнули разбитые бутылки. Коля перепрыгнул образовавшуюся лужу и бросил на ходу:

– Я тут вообще единственный русский. А ты, зараза, недобитый монголоид. И, не приведи господь, еще раз мне на глаза попадешься... Прибью без всякого Куликова поля.

Вконец разобиженный благодетель молча дождался, когда за Николаем захлопнется дверь подъезда, и лишь тогда прокричал вослед:

– Да чтоб ты сквозь землю провалился!

Ходу до Колиной новостройки всего полчаса. Этот дом был бережно лелеемой мечтой семьи Шмелёвых уже многие годы. Осталось совсем ничего, и даже планировали по осени справить новоселье. А что? Фирмочка у Коли хоть и микроскопическая по нынешним меркам, но вполне успешная и стабильная. И пускай нет на счете в крутом банке «лимона» баксов – на хлеб с толстым слоем масла вполне хватает. А излишки лучше не в банках держать, пусть даже в самых надежных – трехлитровых. Так что к осени точно переселимся.

Можно бы и раньше, но всё приходилось делать самому. Родные братья предпочитали нагуливать сало на диванах и вдохновенно рассуждать о пользе физического труда на свежем воздухе. Николай и не просил о помощи, привык рассчитывать только на свои силы. Вот сын подрастет, и тогда... Пока же стройка отдавалась болью в сломанных в прошлом году ребрах, когда свалился с крыши с листом шифера. Ладно, что уж теперь...

А воздух был настолько пропитан запахами трав, что его можно было заваривать вместо чая. И тишина... Вроде и го-

род под боком, но прямо за огородом начинаются заливные луга, тянущиеся до самой Шолокши и дальше.

– Самая маленькая работа начинается с большого перекура, – произнес Коля, устраиваясь поудобнее на непрогретых с утра сосновых досках, приготовленных для обрешетки крыши еще с прошлого года.

С высоты были хорошо видны уже цветущие кусты смородины, ровные грядки клубники, дубовые листочки на яблоньке, посаженной в прошлом году...

– Какие дубовые? Охренели? – бормоча проклятия, Коля бросился за лопатой.

Ладно, хоть соседи не видят. Спят еще. Вот бы посмеялись над новоявленным мичуринцем. Взявшись одной рукой за верхушку деревца, он, как мечом, ударил под корень. Грохнуло так, что заложило уши.

– Бомба! С войны осталась, – успел только подумать.

Лопата провалилась, как будто ее кто-то дернул снизу, и Николай, не разжимая рук, стал падать. И вдруг опять грохот, звон в ушах, и все закрыла яркая вспышка.

Ближайшие окрестности Славеля.

Далекое прошлое. Или не прошлое, но тоже далекое

Широкая тропинка плавными изгибами сбегала с высокого холма в луга. Слушая на ходу рано проснувшихся, а может, и не засыпавших соловьев, по ней шел человек с объемистой котомкой за спиной. Кузнец Серега был сосредото-

чен на дороге и своих мыслях. Просьба князя Юрия Всеволодовича была четкой и ясной и не допускала других толкований. Вот и пришла пора расплачиваться по старым долгам.

Долг же перед князем выражался не в деньгах и был таков, что любая просьба становилась приказом. Причем исходящим от самого себя.

Пару лет назад князь Юрий решительно отмел от Сергея серьезные обвинения в колдовстве и волхвовании. Последний грех при настоятельной опеке славельского митрополита Саввы вполне мог довести до сожжения.

– С нечистой силой кузнец знается! – вопил пастырь, картинно воздев руки к небу. – За знания антихристовы душу погубил свою!

– Да ты на него глянь, – отсмеивался князь. – Откуда же ему чистым быть. Дни и ночи в кузнице. И силой его бог не обидел.

После долгих и продолжительных дебатов на богословские темы святому отцу в самых понятных выражениях были даны пояснения. Что, дескать, своих дармоедов по монастырям может хоть в копченом виде к пиву подавать, а лучшего кузнеца-оружейника не тронь.

А вчера попросил князь меч сделать. Да чтоб не простой был, а меч-кладенец. Знал старый черт, что спрашивать. Из седой старины пришла легенда о теплом железе.

Много сказано о железе небесном. Падает оно с небес единый раз за сотню лет. Да речь сейчас не о нем. Теплое же-

лезе из земли будет, от самой ее крови. И по доброте своей самой земле и подобно. Лемехом теплым землю вспахать – уродится поле такое, что и за пять лет на другом не вырастет. Топором теплым дом срубишь – до конца веков простоит без гнили и плесени.

Но особо свои свойства проявляет в мечях да кольчугах. Доспех из него в лютую стужу греет и усталость снимает. Меч же такой лебяжий пух на лету рубит и сквозь камень дикий, как через масло, проходит. Но сохраните, Боги, с тем оружием худое дело затевать. На свой меч натыкались лиходеи невзначай, а кольца кольчужные да пластины бронные сами копьё да стрелу притягивают и у них на пути расступаются.

Помнят о том лишь немногие оставшиеся в живых волхвы, да у кузнецов-умельцев иногда семейная тайна по наследству перейдет. А Серега и был тем самым последним славельским волхвом. Мудрым старцам, передавшим ему знания, до сих пор икалось на том свете. В тридцать лет рановато уходить в пещеры для постижения новых истин, и вообще был предпочтительней путь волхва-воина. Какой же кузнец откажется показать свое произведение в деле?

В здоровенном детине трудно заподозрить служителя запряженных церковью богов. Другое дело, что не хотелось скрывать этого, и лишь при явном попустительстве князя сохранялось шаткое равновесие, изредка прерываемое нападениями митрополита. Частенько в своих проповедях он прохо-

дился насчет колдунов проклятых и волхвователей злокозненных.

А сейчас Сергей торопился по утреннему холодку. Успеть нужно до зари к святому дубу. Это все, что осталось от большого святилища русских богов – мало кто о них помнил. Сменил народ дедовскую веру (все мы Стрибожьи внуки) на оковы... пусть не рабские, такие слова даже митрополит в проповедях не скажет, но все же...

Для кузнечного горна нужно будет срезать веточку с дуба, что растет в трех верстах от Славеля. Говорят, что прадеды помнили этот дуб раскидистым великаном, а до них еще многие поколения. Толковали даже, что это – то самое мировое дерево, что миры связывает, наш и тот. Ну, вирий который. Подходить к тому дереву всякий опасался. А ну как спустится из светлого вирия что-нибудь непотребное, расхлебывай потом киселя на десять верст, старых-то богов новая вера демонами назвала. Свои священники так, конечно, не скажут, чтут традиции, но наводнившие княжество грекосы всю уже орут...

Сам Серега былых богов не боялся и даже рассчитывал на их помощь. Лишь с Перуном можно ковать теплое железо. Конечно, не собственноручно бог бросится на помощь и, поплевав на ладони, ухватит пудовое ковадро. Хотя и неплохо бы. Только и без этого Перун своим незримым присутствием направит руку кузнеца.

Потому и владели тайной теплового железа последние волх-

вы. Кто же еще обратится к демонам древней веры? А волхву Перун вроде бы и родственник. Если что, то и дубиной можно болвана приласкать. Болван – это вообще-то не в похабном смысле, а в том, что обозначается румийским словом «статуй». Той еще гадостности словечко, будто неведомо, что проклятые грекосы им обозначают.

Вот и дуб заветный ветвями покачивает, узнал родную душу. Пока солнце не взошло, надобно влезть повыше и с первыми лучами веточку срезать. Да высота особого значения не имела, все равно до верха не долезешь, как ни старайся, но побыть чуть ближе к своим богам хотелось.

Сергея вынул из сапога еще прадедовский нож, хорошей стали и заговоренный. Хотя для волхвования применялся особый, каменный нож. Но покажите того дурака, что будет дуб каменюкой пилить, лучше уж сразу грызть зубами. Не стоить слепо следовать заветам предков, когда своя голова на плечах.

...Страшный гром и ослепительная вспышка. Казалось, что небо обрушивается на голову со своей высоты. Все закачалось, под ногой что-то хрустнуло, и кузнец полетел вниз, запоздало жалея, что так высоко забрался.

«Почему же старые боги не приняли мои молитвы? – подумал кузнец, не открывая глаз. – Правда, и ругался я, сверзившись, почище учителя румийской грамматики. Не то что Перун – кикиморы в соседних болотах месяц икать будут».

От благочестивых раздумий Серегу отвлек незнакомый голос:

– Эй, куда я попал?

Волхв с трудом открыл один глаз, другой заплыл от удара об ветку. Или то была чья-то лопата? Рядом, на коленях, стоял странный рыжеусый парень с перекошенным на сторону лицом. Он-то откуда здесь взялся? И одет непонятно – рубашка даже срам не прикрывает. Вязаная, но в одну нитку, словно кольчуга у экономных франконцев. Красоты много, а толку... Не только саблю болгарскую не удержит, но и хороший комар ее насквозь прокусит. А порты синие, линялые, совсем смешные – швы наружу торчат, а причинное место вообще желтыми нитками выделено. Хвастается?

– Так где я все же? – опять пытается. Но речь вроде бы русская, и часто маму поминает, когда за бока хватается. – А ты тоже не местный?

– С дуба я рухнул, – пояснил Серега. – Вот с этого.

– Тогда понятно. И я с него. А чего тогда наверху не встретились?

– Так вниз же летели...

– Ага... А где мой дом?

– Какой?

– Ты чего, дурак? Говорю же – мой дом.

– Не было здесь никаких домов. Кто же так далеко от города селится в одиночку?

– Ничего не далеко, полтора километра всего... Постой,

а микрорайон где?

– Странное название, в нашем княжестве сроду таких не бывало. Может, ты из Новградска?

– Нет, славельский я. Ой... какого такого княжества?

Долго еще любопытные сороки смотрели на двух парней, сидевших в тени священного дуба и оживленно о чем-то разговаривавших. То один, то другой собеседник порой вскакивал и размахивал руками, преимущественно покручивая пальцем у виска. Изредка оба прикладывались к большой ведерной фляге, неременному атрибуту всякого волхвования. Только ближе к полудню угомонились, поднялись и быстрым шагом пошли по тропинке в сторону Славеля.

Глава 1

Наутро Коля Шмелёв неторопливо мерил шагами высокую и светлую горницу. А что еще оставалось, если хозяин куда-то спозаранку пропал, а голова невыносимо трещит после вчерашнего культурного шока? Мягкий туранский ковер глушил звуки, а медвежьи шкуры на широких лавках приглашали прилечь, отдохнуть, забыть про новый мир со всеми его непонятностями. Но Николай не поддавался, продолжая наматывать круги, – так лучше размышлялось.

Да, хорошо заметно, что не бедствует мастер. Волхвованием в нынешнее время, кроме неприятностей, ничего не заработаешь, а кузница прокормит. Видно, не врал вчера в подпитии, что он – лучший кузнец на все окрестные княжества и старинными секретами владеет. Хвалился, что любой чужой клинок пополам перерубит своим мечом, а дамасские, те, как лучину, вдоль строгают. Вот и сундук под окошком стоит, наверняка Серега там лучшие произведения хранит. Заглянуть?

– Я только погляжу, – договаривался Коля с совестью. – Даже руками ничего трогать не буду.

Крышка, окованная толстыми железными полосами, открылась неожиданно легко. Видимо, часто пользуются, вот и петли хорошо смазаны. Из сундука, испуганно взвизгнув, выскочил рыжий мужичок маленького роста. Совсем ма-

ленького, чуть выше шмелёвского колена, и вопросительно глянул снизу вверх зелеными глазами с вертикальными, словно у кошки, зрачками.

– Кажется, с вечера должно остаться. Да, и все пройдет, – пробормотал Николай, отступая к столу и пытаясь нащупать за спиной посудину.

Но лекарство не подействовало – наваждение не пропало. Оно принялось, задвигало длинным носом и спросило тонким голосом:

– Романея?

– Не знаю, – честно ответил Шмелёв, не разбиравшийся в винах.

– Угостишь?

– Сгинь, нечисть! – перекрестился Коля, другой рукой нащупывая крестик на груди.

– Сам дурак, – обиделся мужичок. – Тимоха я, домовый здешний. Выпить дай?

– На. – Протянутый ковш с вином мелко-мелко дрожал. – Ты точно не нечисть?

– Не-а, – мифическое существо выдуло всю посудину единым махом и неторопливо, с занюхом, вытерло губы расшитым рукавом. – Чистый я, у меня половина родни – банники. А пошли, попаримся? Или к девкам? А то и совместить можно.

– Я бы не советовал, – раздался за спиной голос вернувшегося волхва. – Это врун, малолетний пьяница и к тому же

не настоящий домовой. Так, стажер на полставки.

– И ничего не малолетний, мне в аккурат в этом году двести стукнуло.

– Цыц! – прикрикнул Серега на домовенка. – Иди лучше по дому чем-нибудь займись. А еще раз пьяного на рабочем месте увижу – посажу в лапоть и отнесу в церковь. Ты меня знаешь.

Тимоха побледнел и вылетел из горницы. В буквальном смысле вылетел, не касаясь пола босыми когтистыми ногами.

Николай тоже решил повременить с лечением.

– А что, это действительно домовой?

– Действительнее не бывает. Их сейчас гоняют везде, вот у меня и прячутся. И все при деле – кто молотобойцем в кузне подрабатывает, кто вот по хозяйству. Волхву мыть полы неуместно.

Через неделю вынужденного безделья, заключавшегося в штудировании толстенных фолиантов из того самого сундука, Шмелёв окончательно озверел и попросил листок бумаги и карандаш. Домовые в доме есть, так вдруг и карандаш где завалялся?

– Зачем? – удивился кузнец. – Лучше запоминай, что я тебе читаю. И сам учись.

– Буквы непривычно написаны. Да и скучно. Вот скажи, на фиг мне знать родословную твоего князя до двенадцатого колена?

– Знание – сила!

– Я вчера того солдатака не знанием, а кулаком утихомиривал, – хмыкнул Николай, потирая ободранные костяшки.

– Не солдатака, а отрока княжьего, неуч, – укорил Серега. – Почто его свиньей обозвал?

– А нельзя было?

– Нельзя! – сурово отрезал волхв. – Собакой – еще куда ни шло. А лучше псом. Свиньей – не по чину, так только купца какого...

– Какие все нежные!

– Какие есть! Пока твердо все не заучишь – на улицу не пушу.

– Ладно, не больно-то и хотелось, – согласился Шмелёв. – Но бумагу-то дай.

– Бумаги у меня нет, ее из страны Син за большие деньги привозят. Могу предложить египетский папирус тьмутараканской выделки и гусиные перья местного производства. Пойдет?

– Давай, что уж с тобой поделать, – Коля подгрёб к себе брошенный на стол свиток. – Вот посмотри, какая у меня идея появилась.

Серега внимательно следил за причудливым танцем пера и громадными кляксами, сие действо сопровождавшими.

– А, по-моему, это хрень, – заявил он после некоторого раздумья. – Конструкция сия работать не будет.

– Пушка ему не понравилась, – проворчал оскорбленный в лучших чувствах Николай. – У тебя среди золотарей связей

нет?

– Так вот ты ее чем заряжать собрался! – восхитился волхв. – Хорошо придумано. Лезет, значит, злой половец на стену, а тут прямо в рожу благовония летят. Какой уж тут приступ...

– Ты лаптем не прикидывайся, мне селитра нужна. Знаешь, что это такое?

– Знаю, мне положено быть мудрым. И даже знаю, для чего нужна. Ты, Коля, не огорчайся, но первые огнестрелы у нас еще мой прадед лет сто назад испытывал.

– И чего?

– И ничего. Пыхтит, воняет и плюется на двадцать шагов. Срамота, одним словом. У меня в кузне до сих пор три штуки валяются. Все никак руки не дойдут на переплавку пустиль.

– Подари, а?

– Зачем тебе?

– Сделаю порох, стрелять будем.

– Так у прадеда не получилось.

– Ну и что? Он экспериментатор, а у меня послезнание.

Сергея пожал плечами:

– Как хочешь...

...Город тем временем жил своей собственной жизнью, не обращая внимания на странного пришельца из другого мира. Все так же весело шумел торг на широкой площади под кремлевскими стенами, так же горланили на десятках язы-

ков заморские купцы, прекрасно понимая друг друга без переводчиков. Вот в тихом закоулочке спокойно и беззлобно били ногами пойманного вора, а городская стража дожидалась, когда избитого жулика можно будет забрать и бросить в поруб.

Над Славелем плыл колокольный перезвон множества церквей, созывая народ к вечерне. И никто даже представить не мог, что в кузне на берегу Шолокши творится История. Именно так – История с большой буквы.

Благолепие нарушал лишь легкий матерок волхва-кузнеца:

– Одни убытки от тебя, – ворчал он, чихая от растираемого в порошок древесного угля. – Деньги все на приправы твои чертовы ушли. По улице только ночью пройти можно, копоть уже не смывается. Перед людьми совестно.

– А не перед девками? Завтра баню топи, медведь, а не то блохи заедят. Готово? Перемешивай.

– Да перемешиваю, будь оно неладно. А блох у нас нет, чай, не в Европе живем.

В громадном чане варилось и выпаривалось до нужной кондиции отвратительное даже на вид месиво. На запах оно было еще гаже – селитру так и пришлось добывать у золотарей. В кустах сирени послышалось тихое шевеление и громкое сопение. Следом показалась конопатая физиономия домового-стажера.

– А я вам ужин принес. Не прогоните? – Из объемистого

мешка одуряюще пахло жареным мясом и что-то заманчиво булькало.

– Чего уж там, проходи, – Николай попытался придать себе сердитый облик. Но было заметно, что забота домового его тронула. – Можно и перекусить после трудов праведных.

– Точно праведные, – фыркнул Серега в бороду. – Серой навоняли так, что любой дьявольские козни за версту почувет. Но покушать можно.

У Тимохи были свои, довольно своеобразные представления о том, как полагается слегка перекусывать. Он сноровисто раскинул на траве белоснежную скатерть и ловкими движениями заправского фокусника начал доставать еду из мешка. Первым на свет появился здоровенный жбан с хмельным медом, вкус которого Коля уже успел оценить достаточно высоко. Почетный караул при нем составили три серебряные фляжки.

– Тридцатилетнее, из погребов самого Папы Римско-Авиньонского.

– Точно не греческое?

– Фуфла не держим!

Далее на скатерть был установлен деревянный поднос с жареным поросенком. В прошлой жизни Николай мог бы недели две им одним питаться. Но в чужой монастырь со своим самоваром не ездят, и потому перебирать харчами не приходилось. А кушанья все прибывали и прибывали.

– У тебя что, мешок безразмерный?

– Нет, – ответил Тимофей. – Обычный – самобранный.

– Какой? – переспросил Коля.

– Да самобранный. Дает все что попросишь, а если не съешь, так браниться начинает. Материться умеет на двенадцати языках живых, а также в латыни изряден гораздо и арамейском.

– Ладно, убирай своего матерщинника.

– Сам дурак! – буркнул мешок, но сразу же заткнулся. Причем самым буквальным образом – сами собой завязались бантиком тесемки, и уменьшившийся в размерах кормилец запрыгнул к домовому в карман. Через некоторое время сонный голос произнес: – Догоняться вздумаете – будите, мигом организую.

– С понятием товарищ, – одобрил Николай. И вздохнул с ностальгией: – Картошечки бы жареной сейчас.

– Могу, – откликнулся самобранный друг. – Подумаешь, обычное заморское кушанье. Тебе в комплекте или как?

Коля немного подумал и махнул рукой:

– Давай в комплекте.

И не прогадал. В комплект входили громадная сковорода с требуемым продуктом, а также тонко порезанное розовое сало, мелкие, с детский мизинец, соленые огурчики, соленая же селедочка, обложенная кольцами лука и политая подсолнечным маслом, истекающая жиром семга, рыжики величиной не больше пуговицы, квашеная капуста с яблоками и брусникой, и венчала коллекцию литровая бутылка «Смир-

новской» со льда.

– Мешочек, – неожиданно севшим голосом позвал Шмелёв, – ты где водку взял?

– Не твое дело! – последовал вежливый ответ. – Комплексный обед.

– А может, там пара автоматов Калашникова завалялась?

– Нет, я только по пропитанию работаю. Узкая специализация.

На нет, как говорится, и суда нет. Коля с дрожью в руках хрустнул пробкой и разлил божественную жидкость по чарочкам. Серега настороженно принялся к незнакомому продукту, резко выдохнул и профессионально выпил, занюхав рукавом.

– А ничего, хорошо пошла. Как наше сгущенное вино, только помягче будет.

– Разбавляют, наверное, – поддакнул Тимоха, но протянул емкость за второй порцией.

А после третьей в мудрую голову волхва пришло озарение:

– Слушай, Николай свет Васильевич, а чего нам самим-то дерьмо выпаривать, которое ты порохом именуешь? Мешок, а мешок, сможешь порох достать? Много?

– А его едят? – донеслось из кармана.

– Еще как едят. Тимоха, подтверди.

– Что, опять новые снадобья на мне испытывать?

– Надо, Тимофей, надо. А я тебе потом сапоги новые куп-

лю.

– Со скрипом?

– Ага, и с серебряными подковами.

– Тогда ладно, – согласился домовый и вопросительно взглянул на Николая: – А какой просить-то? Который вкуснее?

– Пробовать нужно, – Коля пожал плечами. – Давай начнем с охотничьего, с бездымного.

Новое утро принесло новые заботы, правда, волхв предпочел от них самоустраниться. Он с удобством устроился на скамеечке, привалившись к стене кузницы, и читал толстый фолиант в деревянной обложке, обтянутой крокодиловой кожей, изредка делая пометки на полях свинцовым карандашом. Окружающий мир для Сереги перестал существовать. Даже то, что Коля доламывал единственную в хозяйстве телегу, кузнеца не интересовало.

– Чего нового пишут? – Николай отбросил кувалду, которая и была сегодня основным его инструментом, и присел рядом.

– Нового? Ничего, это же Плиний.

– Старший или Младший?

– Он был один. А вот Геродотов – два. Или даже три, если считать их папу, тоже историка не из последних.

– Надо же, – удивился Шмелёв, – а у нас считают наоборот.

– Вы там, у себя, все переврали и перепутали, – Серега

засмеялся и закрыл книгу. – Вот лет пятнадцать назад тоже к нам попала одна из ваших, наверное... Все звала Армению открывать. Или Америку? Не помню точно, молодой еще был...

– И чего, открыли? – Коля от удивления даже позабыл про трубку, которую собрался закуривать. Сигареты у него кончились еще на прошлой неделе, но на торге у краснорожих купцов с перьями на голове удалось купить заморские травы, якобы лечебные. Но по вкусу – точно табак.

– Да ты кури, не стесняйся. Это мне питания дымом не положено, – махнул рукой волхв, но на всякий случай переложил фолиант подальше. – О чем я? Ах да... Америка. Ну, отправили туда несколько кораблей... С купцами, с товарами, с воями... И не нашли никакой Америки. Нету ее, а на том месте все та же страна краснокожих, что и всегда была. Обманула ведьма.

– А где она сейчас?

– Кто, та страна?

– Нет, попаданка...

– Да ее тогда же и сожгли.

– Ну вы и звери.

– Мы? – удивился Серега. – Ты бы знал, насколько наш народ терпелив. Когда она объявила себя верховной ведьмой – стерпели. Назвала князя Георгия Всеволодовича темным властелином – смолчали. Попыталась оженить на себе германского императора – плюнули и отвернулись. Но эта

сволочь захотела научить княгиню лесбийской любви... Тут уже терпение лопнуло.

Николай прикурил от сохранившейся в кармане джинсов зажигалки, глубоко затянулся и с одобрением кивнул. Так ведьме и надо, поделом. Нет бы чего путное предложила, а прогрессорствовать, начитавшись женского фэнтези, – упаси Господь! Зато теперь стали понятны некоторые анахронизмы в разговорах волхва, да и остальных местных жителей. Вот оно, дурное влияние культуры будущего.

– Шеф, доделывать будем? – Из зарослей крапивы вылез домовой с парой старых сапог в руках. – Или мне сначала куртуазии пошить?

– Картузы, – поправил Николай. – Куртуазии – это гламур такой. А мне нужно во что-то порох насыпать.

– Вот оно что, – протянул волхв. – А я все гадал, зачем это Тимоха по помойкам лазает, сапоги собирает. Вот только мой дедушка без всяких картузов обходился.

– Чего он мог понимать в артиллерии? – возразил Шмелёв.

– А ты понимаешь?

– Нет, но у меня же послезнание. Что я, книжек не читал? Вот сейчас лафет доделаю, и к вечеру можно будет пушку испытывать.

Серегу почесал затылок и промолчал. Сломанную телегу жалко, но лошади в хозяйстве все равно не было, и чем-то нужно пожертвовать во имя прогресса. Тем более, если в

книгах написано...

К вечеру не успели, слишком много времени ушло на объяснения с соседями и уверения, что никто не видел пропавших сапог. И что волхвы не занимаются такой мелочью, как поиски пропавшей обуви. И за деньги не занимаются. Объяснились кое-как. А потом помогали Тимохе отрезать у добычи голенища и сшивать из них кожаные мешочки. А вот к утру ворота распахнулись, и из них вручную выкатили орудие, даже на вид выглядевшее очень грозным. Народу на улице по раннему времени не было совсем, а потому пушку доставили к кузнице без задержек.

– Ну чего, заряжаем?

– Давай сам, – Серега с сомнением посмотрел на медного монстра на колесах. – Нас с тобой не поубивает на фиг?

– А меня? – пискнул домовый.

– Тебя не жалко. Ну, так что, не убьет?

– Да вроде бы не должно. Но на всякий случай запал из-за угла поджигать будем, – Коля сунул в жерло картуз и плотно утрамбовал его обломком оглобли. Потом подумал и добавил еще один.

Волхв наблюдал за манипуляциями, не вмешиваясь в процесс, только глубокомысленно заметил:

– Не маловато заряда будет?

– Не знаю... Еще добавить? Это можно, Тимоха, давай.

Домовой протянул мешочек, и Коля забил в пушку и его, прикрыв сверху большим комком трепаного льна, за-

менившего пыж. А вместо свинцовой картечи из экономии воспользовались мелкими камнями и обломками кирпичей. Опять пыж... Ну вот и готово.

– Куда целить будем?

– Давай вот в ту ветлу на берегу. А не то зашибем кого-нибудь.

Некоторое время молча ворочали орудие, тщательно прицеливаясь. Не совсем, конечно, молча, – благодаря усердным стараниям Тимохи на линии выстрела оказывались то стоящие почти у самой Шолокши бани, то привязанные к лежащему бревну лодки, а то тяжелый купеческий струг, спешащий к славельской пристани. Наконец, правильное направление было выбрано.

– Давай факел!

– Сейчас, – Тимоха закончил обматывать просмоленной паклей длинную жердину и, просунув ее в окошко кузни, поджег от тлеющих со вчерашнего вечера углей в горне.

– Кто не спрятался, я не виноват, – Николай сам зашел за угол и оттуда дотянулся до запальника.

Порох выгорел с шипением и веселым свистом, но выстрела не последовало. Серега выбрался из-за поленницы, которую использовал в качестве укрытия, подошел к пушке и пренебрежительно сплюнул.

– А я предупреждал, что все твои огнестрелы – пустая блажь. Видишь, не работает?

– Кожа на картузы из голенищ пошла, – оправдывал

неудачу Шмелёв. – Слишком толстая, сразу не прогорела. Нужно будет в следующий раз гвоздем проковырять.

Волхв пожал плечами и пнул орудие. Оно неожиданно легко развернулось на колесах, уперлось прямо в кузницу и оглушительно грохнуло. Бревенчатую стену снесло вместе с расположенным за ней горном, вышибло следующую, и потерявшие опору стропила с треском сложились, похоронив под крышей развалины. А сама пушка, пролетев шагов пятьсот, пробила навывлет чью-то баню. Из нее почти сразу же выскочил длиннобородый толстяк и, прикрывая веником все свои красоты, стремительно побежал в сторону города. Выбравшийся следом через пролом седой дед никуда убегать не стал, только недоуменно крутил головой по сторонам, пытаясь найти причину столь необычного катаклизма.

– Все, Коля, доигрались. Чуть боярина Вечкана не ухлопали. Он у деда Михайлы свой прострел парил.

– Клин клином вышибают, – ухмыльнулся Николай. – Мы же его бесплатно вылечили. Скачет, будто новенький.

...Последствия испытаний не заставили себя долго ждать. Уже сразу после обеда, когда истомленные неправедными трудами мастера прилегли отдохнуть и вспомнить насыщенное бурными событиями сегодняшнее утро, сквозь щели забора заблестели островерхие шлемы дружинных воев. Их привел все тот же боярин, на этот раз одетый несмотря на погоду в роскошную шубу, крытую алым бархатом, и высокую

бобровую шапку, которую уронил, зацепившись ею о навес калитки.

– Вот они, хватай! – закричал Вечкан, увидев вышедших на крылечко Серегу с Николаем.

Но дружинные явно не торопились, подходили к дому с опаской. Ведь слышали хорошо, при них боярин князю жаловался, что приютил-де кузнец дьявола у себя. И прозвание тому – Телегентус. А потому так прозвали, что припас мушинский у того дьявола размером с тележное колесо, и остальная справа ему под стать – толстая, длинная да медная. Хочет сей антихрист засеять землю семенем велиаловым, чтобы выросли всходы адовы на погибель князю и всему роду людскому.

Потому и не спешили, за мечи не хватались. Да и с другой стороны глянуть – многие с Серегой еще детишками в голопuzом детстве играли. Нешто он худого человека в дом пустит? Тут с разумением надо...

– Здравы будьте, вои, – приветствовал их волхв. – С чем пожаловали? Нужда в чем, скорбь недужная али просто проведать?

– И тебе здоровья, мастер, – откликнулся седобородый воин. Видимо, десятник, как догадался Николай. – И тебе поздорову, господин Телегентус.

– Кто? – переспросил Шмелёв, набивавший табаком трубку.

Серега вполголоса пояснил:

– Да понимаешь, допытывались о тебе в городе. Вот я и сказал, что ты тоже кузнец, но сам ничего не делаешь, а только других учить умеешь, потому как интеллигент.

– За интеллигента ответишь... У меня же профессия есть.

– Но нужно было что-то людям говорить?

– Чего стоите, рты разинув? – боярин подталкивал воев в спину. – За шкирку их да в яму!

Десятнику до смерти не хотелось связываться с нечистой силой. Вот он стоит, глазами зыркает, глиняную штуковину грызет да облизывает. Вкусно ему, наверное. И, похоже, уже разозлился – из ноздрей дым валит. По всему видать – огнем питается. А вдруг и человечинной не побрезгует? Как бы совсем не осерчал, с умом нужно подходить.

– Дело у нас к тебе, мастер, – осторожно начал старшина. – Послал князь узнать, что за грохот нынче сотворился у твоей кузни, куда она подевалась, да заодно проведать, отчего в бане дырка образовалась.

– Баню они адовым удом порушили. Его удом, – Вечкан показал пальцем на Николая. – И сейчас то орудие на берегу Шолокши лежит. Я потрогал.

– За что ты меня потрогал? – уточнил Коля. – Тебя что, на мужиков потянуло? Греческой любви захотелось?

Вот тут толстяк и допустил роковую ошибку. Не перенесся злой насмешки и последовавшего за ней подробного комментария, от которого стыдливо покраснели даже сидящие на крыше вороны, он бросился в атаку. Тогда все и началось.

Глава 2

Уж лучше бы на месте стоял, бородатый черт. Размахивать кулаками и ругаться по-гречески, поминая какую-то Анафему, видимо, родственницу, еще куда ни шло, но бегать... Вот и подвела Вечкана Чечевиковича его неумеренность в застольях. Надо бы под ноги смотреть, но борода, лежащая на животе параллельно земле, закрывала обзор, и он на полном ходу споткнулся о маленького черного котенка, выбежавшего посмотреть на необычное зрелище.

Боярин упал, ткнув головой в спину стоявшего впереди воя, и тот сделал шаг вперед, наступив на ногу спустившемуся с крылечка Шмелёву. Коля грубого обращения не понимал и реагировал на него однообразно. От удара шлем обидчика улетел в крапиву, а самого его отбросило на лежащего на земле Вечкана.

– Чего же мне сегодня так не везет? – раздался справа жалобный возглас волхва. А потом Серега не утерпел и тоже решил поучаствовать в народной забаве, заехав в ухо ближайшему вероятному противнику.

– наших бьют! – радостно завопил Никифор, пытаясь по привычке засучить рукава кольчуги.

Но в бой вступить не успел – Николай, которому уже успели разбить нос и нижнюю губу, погасил крик ударом в зубы. Отлетевший старшина повалил еще одного соратника и из-

рядный кусок забора, но быстро очухался и бросился за отпущением, размазывая кровь по лицу. Но что может противопоставить воин, пусть даже и прошедший в боях и походах половину жизни, человеку, способному забраться в переполненную маршрутку с пакетом спелых помидоров, читая при этом книгу и разговаривая по мобильнику?

Пришелец из будущего посторонился, пропустив агрессора мимо себя, и отвесил вдогонку полновесного пендаля. А чуть в стороне проводили философский диспут представитель местной власти и служитель древнего культа. Уважая седины и вес своего оппонента, волхв не стремился к победе физической, предпочитая примат духа. Он попросту намотал длинную бороду боярина на кулак левой руки и пользовался им как щитом. В правой у кузнеца был зажат здоровенный дрын, выломанный из полуразрушенного старшиной забора. Именно эта дубина и служила орудием сдерживания, ибо побитые и оскорбленные стражники уже вытянули мечи из ножен. Видимо, хороший мордобой заставил вспомнить о служебном долге.

– Ах вы, курвы! – попер на них Серега. – Это на честных людей с оружием?

Шмелёв быстро огляделся по сторонам, но так и не понял, про кого это волхв говорит – посторонних во дворе не было. Зато на траве валялось брошенное кем-то из побитых воев копьё. Черт возьми, какое же оно длинное и неудобное. Но в браконьерской юности, да и потом не так уж редко, Коле

приходилось схватываться на веслах то с конкурентами, то с рыбинспекторами – вот и пригодилось старое умение. Копье в опытных руках завертелось, как пропеллер. Вот один из стражников отлетел в сторону, зажимая ладонями разбитое лицо. Вот другой получил удар под вздох и теперь судорожно пытался протолкнуть в легкие хоть чуточку воздуха.

Громко стуча своей оглоблей по шлемам и кольчугам, к Николаю пробился Серега. На его рубахе были видны длинные порезы, кое-где подкрашенные красным, одно ухо распухло, а подбитый глаз горел азартом.

– Ну, теперь нас точно Юрий Всеволодович в темницу упечет до конца жизни. А то и просто голову снимет.

– За что?

– А за вооруженный мятеж. Зря ты за копье схватился.

– Да и хрен с ним, с князем, – ответил Коля, отбивая удар в живот. – Феодал доморощенный.

– Зря ты так, – волхв присел, пропуская над головой просвистевший меч. – Он хороший, только очень впечатлительный. Кстати, к супротивнику вроде бы подмога пришла, нет?

Во двор на самом деле набежало еще человек десять, обвешанных оружием с головы до ног. Черный котенок, наблюдавший за побоищем с обломков забора, испуганно зашипел и бросился искать защиты у Николая. Все коты в минуту опасности стараются оказаться как можно выше, вот и этот не стал исключением, он стремительно вскарабкался по штанине, потом по свитеру, пугаясь когтями в крупной вязке, и

крепко уцепился за плечо, не сваливаясь даже в круговерти драки.

– Коля, к реке пробиваемся! – закричал волхв, которого уже вытеснили на улицу.

– Ха, пробиваемся... драпать надо! – внес свои коррективы Шмелёв.

Продолжение было с одобрением принято, и без глупого геройствования оба друга попытались броситься наутек. Серега только чуть задержался, поджидая Николая и одновременно отвлекая на себя появившуюся подмогу.

– Лови их! – Из переулка неожиданно выскочили еще четверо.

Беглецы влетели в воинов, как две городошные биты в посудный шкаф, и опустошения произвели соответствующие.

– Вот вам, гадам! – кричал волхв. – Я таких всегда в сортире мочил!

Услышав неведомое слово, погоня слегка приотстала, видимо, опасаясь колдовства и волхвования. Пришелец из будущего не преминул этим воспользоваться.

– Трансвеститы недопеределанные!

Дружинные еще сбавили шаг. Котенок на плече выгнулся дугой и зашипел.

– И либералы, как мне подсказывают товарищи.

Остановились.

– Демократы ху... ху... художественные!

Самые впечатлительные побледнели и стали пятиться на-

зад. Стойкие еще нерешительно топтались на месте, но, услышав про оборотней в погонах, лысого кукурузника, коня в пальто и Ксению Собчак, и они перешли в отступление.

– Говорил я тебе, Серега, что доброе слово сильнее меча, а ты не верил.

– Когда говорил?

– Не важно, – уклонился от прямого ответа Шмелёв. – Будем глаголом жечь сердца людей.

– Угу, как раз сегодняшней речи и хватит на сожжение в срубе как самых настоящих колдунов. А у проклятых грекосо-сов за такие дела нас бы в медном быке испекли.

– Доберемся и до грекосов, – проворчал Николай. – Лучше скажи, куда нам теперь?

– То, что в Славеле нельзя оставаться, и козе понятно. Повесят на нас всех собак, и мало не покажется. Я предлагаю некоторое время переждать в лесах за Шолокшей, а там видно будет. Или к болгарам уйдем, или в Персию.

– Господи, а туда зачем?

– За зипунами. Но сперва в леса...

– Может, не надо, а? Это волхвам хорошо – солнышку кланяетесь, пням молитесь. А я без благ цивилизации просто не выживу.

– Да какая у нас цивилизация...

– Какая есть.

– Так остаешься? – остановился Серега.

– Сдурел? Мотаем отсюда!

На берегу их уже поджидал домовой, отвязавший лодку от причала и вставивший весла в уключины. У его ног лежали объемистый кожаный мешок и длинный сверток с торчащими из него рукоятями мечей.

«Хозяйственный малец», – одобрительно подумал Николай, но вслух строго проворчал:

– Явился, не запылится. А где ты был, когда мы геройские подвиги совершали и кровь свою проливали?

– Да я вот мешок в дорогу собрал, – оправдывался Тимоха. – А меня с собой возьмете?

– Залезай, – разрешил волхв. – Чего взял?

– Кольчуги там и денег малость. Куда же без денег-то? И оружие прихватил. Нам, героям, без него никак.

Отчалили без хлопот и проблем – быстрое течение добавило скорости, и минут через двадцать лодка скрылась за поросшим вербами островом. Тишь да благодать на вечерней реке, только раздастся порой мощный всплеск жереха, гоняющего мелочь, да стерлядки на самом стрежне выскакивают из воды по им одним известным надобностям. Даже наглые чайки, называемые здесь мартышками, утихомирились и мерзкими криками своими не мешали наслаждаться тихими прелестями неспешного разговора, прерываемого дегустацией приятных пустяков, извлекаемых домовым из волшебного мешка.

Но как бы хорошо ни было в пути, солнце, уже наполовину спрятавшееся за лес, покрывающий правый, гористый бе-

рег Шолокши, заставило озаботиться поиском ночлега. Приглядели издалека поляну, будто специально созданную для усталых путников. Сбегающие к воде деревья в этом месте расступались, мягкая травка сама звала прилечь, а в неглубоком овражке, шагах в десяти, журчал чистейший ручей.

Лодка со скрипом вползла носом на песок, и Тимоха первым выскочил, оглядываясь по сторонам. Не увидев ничего подозрительного, накинул причальный конец на валяющуюся тут же коряжину и ушел на поиски дров, благо после недавнего половодья их должно быть в изобилии в прибрежных кустах. И очень скоро его довольная физиономия показала из-за старой ветлы.

– А я землянку нашел! Вон там, на маковке. И печка есть.

– А клопы?

– Не знаю. А нужны?

– Стой, я пошутил, – пошел на попятную Николай. – Веди, показывай. Кстати, Тимофей, а у тебя прозвище есть какое? А то что это мы все по имени да по матери...

– Ага, есть, – домовый смущенно вытер нос рукавом. – По маме мы Сусанины будем, а по папе – Гобсеки.

– Древний, однако, род. Как бы не старше Рюрика.

– Старше... и намного.

Найденное пристанище давало сто очков вперед любой гостинице в захолустном районном городке. Во-первых, здесь не было тараканов. А во-вторых, настоящая русская печка, пусть и глинобитная, не даст стучать зубами в холод-

ные майские ночи, когда при ночевке у костра один бок постоянно пригорает, а другой мерзнет и покрывается инеем.

– Пойду я лодью нашу поглубже в кустах припрячу, – сообщил Серега. – А не то попрут к утру, народец здесь ушлый попадается.

А после сытного ужина, когда все улеглись и уютно замурлыкал котенок, свернувшийся калачиком под боком, Николай долго не мог уснуть, все ворочался на широкой лавке. Мысли о доме в голову лезли, шуршание листвы и шаги наверху чудились. И в подтверждение этого в запертую дверь землянки кто-то принялся сильно и уверенно колотить.

– Кого еще черти по ночам носят? – спросил Шмелёв, недовольный тем, что пришлось выбраться из-под теплого мехового одеяла. Оно было найдено тут же.

– Погоди, не открывай, – предостерег Серега. – Вдруг это князьки люди?

– И не собираюсь, – Коля ногой проверил прочность полена, служащего запором, и крикнул: – И что это за дятел к нам долбится?!

В ответ послышалась отборная ругань в несколько голосов, видимо, ночной гость пришел не один. Но хриплый бас перекрыл бестолковый гвалт и прорычал:

– Это моя землянка! Проваливайте отсюда, пока целы. А за беспокойство и топтание земли придется заплатить. Здесь все мое: и лес, и дороги, и горы вот эти.

– А ты что за птица?

– Я не птица, я Савин. Слышал про такого?

За спиной присвистнул удивленный волхв. Он не раз уже слышал об этом знаменитом разбойнике, который отирался в окрестностях Славеля, обирая подвернувшихся купцов до нитки, и славился своей жестокостью. И еще у него была шайка такого же отребья, что не погнушается у нищего дырявую монетку отобрать и старушку-процентщицу топором по голове стукнуть.

Но Шмелёв таких мелочей не знал, а потому ответил просто:

– А мне кажется, что ты обычный дятел. И лес этот дятлов, и горы дятловы...

– Открывай, говорю! – опять закричал разбойник.

– Дай поспать спокойно, придурок. Утром приходи.

– Открывай!

Тимоха выдавил бычий пузырь из маленького, в ладонь всего, окошка под самым потолком землянки и прокомментировал:

– Уже хворост собирают. Сейчас к дверям навалят и подожгут.

– Может, попробуем пробиться? – предложил волхв, доставая из мешка кольчугу. Другую он протянул Николаю.

– Бесплезно, – откликнулся домовый, – там четверо с луками.

– Так в темноте...

– В пяти-то шагах, какая разница?

– Да чтоб их лешие задрали и раком поставили! – в сердцах сплюнул Шмелёв. – И что им от нас нужно?

– Может быть, денег?

– А они у нас есть?

– Совсем чуть-чуть. А вот тут много, – Тимоха показал кривым пальцем в земляной пол. – Целый сундук закопан.

– Откуда знаешь?

– Чувствую, у меня же наследственные способности. Ой... – тут домовой увидел в окошке что-то совсем страшное, поскольку испуганно замолчал.

На поляне опять послышались крики, но на этот раз быстро замолкавшие, а порой и переходившие в жуткий хруст и хрипы. Приникший к отверстию от вылетевшего сучка, Николай сквозь дверь разглядел неведомо откуда появившиеся лохматые тени, орудующие громадными дубинами. На попытки сопротивления тени внимания не обращали, а потому очень скоро на полянке перед землянкой повисла тишина, в которой громко стучало сердечко перепуганного котенка.

– Это кто? – спросил Шмелёв, ни к кому конкретно не обращаясь.

Сергея, тем не менее, отозвался:

– Лешие это. Сейчас и за нас примутся.

Но мрачное пророчество не сбылось – самый здоровенный леший, похожий на полковника спецназа, одетого в маскхалат-лохмашку, повесил дубину за спину и крикнул:

– Готово, командир.

Волхв подтолкнул Николая в спину:

– Тебя зовут.

– А может, тебя?

– Нет, слышишь, каким мудреным словом назвали?

Коля пожал плечами и поднялся по земляным ступенькам на поляну. Главный леший вытянулся и отрапортовал:

– Хведор Лешак со товарищи по вашему приказанию прибыл! Противник уничтожен, потерь нет. Вот только... вот только вторую часть мы не поняли... Как их нужно было ставить?

– Постой, по какому такому приказу?

– По самому прямому, – обстоятельно объяснил «полковник». – Я командирский голос и за десять верст услышу.

И тут до Николая стало доходить:

– Я Савину говорил...

– Ну да, мы так и сделали... Только как же их ставить нужно...

– А почему вы решили, что я могу приказы отдавать?

Лешего вопрос изрядно удивил.

– Так ты же командир.

– Кто такое сказал?

– Зачем же говорить, и так знаем. У нас, у леших, это в крови. Как только слышали голос, так всем и понятно стало – вот командир.

– И много их у вас?

– Да отродясь не бывало, ты единственный.

– Та почему же я?

– Ну, так объясняю, – терпеливо повторил Хведор. – Как только услышали, сразу все и поняли.

– Ладно, – махнул рукой Николай, – располагай своих бойцов на поляне. Скоро солнце уже взойдет, завтракать будем. Вот только бы покойников прикопать.

– Это мы мигом, – согласился леший и отдал распоряжение. А потом заметил Тимоху, суетившегося у расстеленной на траве скатерти. – Батюшки, и племянничек здесь! Слушай, Тимофей, тебе мой самобраный мешочек не попался?

Из записок Николая Шмелёва

«До сих пор голова болит, как вспоминаю про нашу встречу с лешачьим спецназом. Почему они вдруг решили объявить меня своим командиром, и сам не пойму. Но командование пришлось принять. А что еще остается делать, когда дюжина диких рож с надеждой смотрит в будущее и вслух мечтает о свершении великих подвигов? По их рассказам выходило, что я непременно обязан победить всех на свете врагов, восстановить всемирную справедливость и в обязательном порядке перебить всех орков, троллей, гномов, гоблинов и прочую нечисть. Ну разве что цветочных эльфов трогать не будем. Польза от них большая – огурцы в огородах опыляют.

Все это произносилось под громогласные тосты и славословия, так как по старинному обычаю требовалось задать пир по случаю славной победы над разбойниками. Впрочем, сей пир моментально сполз до уровня банальной корпоративки на природе, разве что без самодеятельного стриптиза.

Видимо, под влиянием изрядно выпитого я и произвел реорганизацию своей маленькой армии. Хведор получил почетную фамилию Лешаков и был официально удостоен высокого звания «полковник». А потом долго пришлось прутиком на песке рисовать погоны, петлицы и прочие нужные в военной жизни мелочи.

И затянулось тогда наше пированье аж до следующего утра. Но, как выяснилось, не без пользы. Новоиспеченный полковник дело свое знал туго и отправил двух бойцов на задание, которое и было выполнено точно и в срок. Попросту сказать – смотались до Славеля пешим ходом и стащили еще пару лодок. Так создавалась наша Речная Флотилия».

...Лоды легко и неторопливо скользили вниз по течению. На передней держал свой вымпел объявленный Верховным Главнокомандующим Николай Шмелёв. Местные рыбаки неизвестной принадлежности и народности попрятались на берегу, едва только завидев сию армаду. Их можно было понять – на двух посудинах разместилась целая банда лихих леших, горланивших песни и глушивших дубинами неосторожную рыбу. Именно ради нее черный котенок решил про-

должить путешествие на коленях у полковника.

За исключением этого фонового шума на Шолокше царила тишина. Из подступавших прямо к воде зарослей доносилось пение соловьев, им было абсолютно наплевать на лешачьи крики. Серега прислушался к птичьему щебету.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

– Дурак ты, хоть и волхв ученый, – ответил ему вместо кукушки Шмелёв. – Такие вопросы нужно дятлам задавать.

Кузнец на подколку не ответил, он внимательно вглядывался в высокий берег.

– Смотри.

Коля тоже глянул в ту сторону. Может, мерещится, а может, и на самом деле так, а только кажется ему, что на высоких горах по крутому берегу березняк мотается, мотается-шатается, к земле-матушке приклоняется.

– Лешаков!

– Слушаю, командир! – тут же отозвался бравый полковник.

– Бери пару бойцов, и в разведку. – Леший молча кивнул и отдал приказ править к берегу.

Пошли, посмотрели, назад воротились, командиру такую речь держат:

– Не березняк то мотается-шатается, мордва в белых своих балахонах богу своему молится, к земле-матушке на восток приклоняется.

– А зачем мордва кругом стоит и о чем она богу своему

молится?

У верных лешаков и на это ответ припасен:

– Стоят у них в кругу бадьи могучие, в руках держит морд-ва ковши заветные, заветные ковши больши-набольши, хлеб да соль на земле лежат, каша-ячница на рычагах висит, вода в чанах кипит, в ней говядину варят.

– А что ты по этому поводу думаешь? – повернулся Шмелёв к Сереге. – Может, присоединимся к празднику жизни?

– Не богохульствуй, люди серьезным делом заняты. А вот подарки послать можно.

Услышав про возможные траты, домовый постарался загородить своим телом окованный железными полосами сундук, из-за которого лодка едва не черпала бортами, и предложил:

– А давайте им весло подарим. А что, вещь в хозяйстве нужная, будут им свою кашу перемешивать.

– У нас их всего два.

– Ну и что? У леших заберем, пускай дубинами гребут.

– Кстати, – оживился Николай. – Полковник!

– Я, командир!

– Перебирайся к нам, будем военный совет держать.

Польщенный оказанным доверием Лешаков прикрикнул на подчиненных, и в мгновение ока его лодка причалила к флагману. Там Хведор осторожно, но быстро пересел, только котенка оставил, опасаясь перегруза. О чем конкретно совещалось высшее руководство, в летописях не сохранилось,

но после третьей, когда душа стала доброй и мягкой, Коля Шмелёв отдал исторический приказ:

– Короче, Федя, дары от меня мордве отнесите, так ей на моляне скажите: «Вот вам мешок серебра, старики, вот вам мешок золота, молельщики». На мордовский молян вы прямо ступайте, мордовским старикам серебро-золото отдайте. Тыфу, черт, стихами заговорил.

Сказано – сделано. Только экономный домовой все вздыхал, набивая монетами приготовленные для пороха картузы, пошитые из старых сапог. Два лешака взяли дары и под предводительством непосредственного начальника отправились налаживать дипломатические отношения. Но вернулись только к вечеру, когда лодки были вытащены на берег и прикончена третья бадья стерляжьей ухи. И все трое пьяные – пали жертвой местного гостеприимства.

Еле стоя на ногах, полковник докладывал:

– Угостили нас мордовски старики, напоили суслom сладким, медом крепким, брагой хмельной, пивом вымороженным. Накормили хлебом мягким...

– И как только харя ненасытная не треснула, – возмутился Тимоха. – И с пьяных глаз слогом былинным заговорил.

– А еще просили мордовски старики погодить до утра. Время им надобно на то, чтоб собрать дары ответные.

– Подождем, чего не подождать? – Тут Серега и Николай были одного мнения. – Места тут красивые, да и не торопимся никуда.

На мордовском моляне явственно ощущалась тихая паника. Ну, сами посудите – ведь не каждый день являются на священную поляну духи лесные сильномогучие и приносят дары великие. Да говорят, что идет-де по Шолокше-реке набольший белый царь со дружиною да волхвом напремудрейшим. И зовут того царя Николай свет Васильевич. И шлет он старейшинам мал подарочек от широкой души да на память, да для поддержания штанов.

А мордовски старики, от белого царя казну получивши, после моляна судили-рядили, раскумекивали, чего бы великому государю в дар от мордвы послать. Меду, хлеба, соли набрали, блюда могучие наклали, с молодыми ребятами отправили. А парни, замаявшись по жару, в тенечке присели да мед, хлеб-соль приели. Старики-де не узнают. Земли да желта песку в блюда наклали, наклавши пошли и белому царю поднесли. Соглядатаи тайные из кустов потом видели, как все обернулось. Видели да локти кусали.

– Шеф, они чего, охамели? – первым проявил недовольство домовою, мечтавший улучшить финансовое состояние.

– А может, эту, карательную экспедицию провести? – поддержал родственника полковник, не упустивший случая щегольнуть подслушанной ученостью.

– Тихо, – прикрикнул волхв. – Я сейчас с Перуном договарюсь – насмешников молниями сожжет.

Но Шмелёв молчал, пытаясь ухватить мысль, вертящуюся в голове. И ухватил:

– Погодите, – с этими словами он честно, с поклоном, принял блюда с песком и землей. Потом повернулся поочередно ко всем сторонам света и произнес: – Слава вам, боги нынешние, прошлые и будущие, что отдали в мои русские руки мордовскую землю. Принимаю во веки вечные!

Сергея бросил взгляд на побледневших парней и недоуменно спросил:

– И чего?

– А ничего, – весело ответил Николай. – Выгружайтесь, ребята, здесь мы уже дома.

Глава 3

Наши дни.

Никому не известная страна по ту сторону Океана. То же неизвестного

Брюс Моисман с видимым удовольствием затаился еще раз, надолго задержал дыхание и передал папиросу госсекретарю Уильяму С. Раксу. Сладковатый дымок афганской конопли плыл по Овальному кабинету и закручивался в причудливые фигуры.

– Вот видишь, Билли, курить марихуану гораздо полезнее твоих обыкновенных привычек. Советую вообще переходить только на нее. Ну разве что две-три добрые понюшки хорошего кокаина в день в качестве профилактики насморка. А то даже неудобно перед избирателями получается – моя администрация тратит в год на героин столько, сколько эта противная Россия на оборону.

– А разве нам не наплевать на мнение избирателей, сэр?

– Ну, конечно, дорогой мой, – президент весело захихикал и похлопал госсекретаря по выпуклой части спины. – Но я подразумевал не тех, кто голосует. Впрочем, нам и на этих наплевать – у нас демократия. И кстати, Билли, как разрешилась проблема с тем русским?

– Это с которым? – уточнил мистер С.Ракс. – У нас со всеми русскими всегда проблемы. Одни только правозащит-

ники радуют. Вот истинные демократы, достойные премии Квислинга.

– Нашего сенатора от Иллинойса? – блеснул отличной памятью президент.

– Не совсем, но, в принципе, его я и имел в виду, – не стал спорить госсекретарь.

– Но вернемся к нашему русскому. Это ведь про него наш лучший астролог Пол Глобсон напророчил кучу всякой гадости? Вот никак не могу взять в толк, и чем это может угрожать нашей великой стране какой-то нищий бизнесмен из дикой России? Ладно бы он был владельцем нефтедобывающей компании, но я помню, кого назначал, – фамилии Шмелёва среди них не было.

– Вот вы про кого... Но Пол Глобсон не мог ошибаться. Он лучший астролог нашего Ордена и вообще...

– Ни слова больше, Билли, – резко оборвал своего собеседника Брюс Моисман. – Не забывайся! Хотя в моем кабинете стоит надежная защита от прослушивания, но мы оба давали клятву свято хранить тайну нашего... Короче, хранить.

– Да, босс, виноват, – мистер С. Ракс повинно склонил голову и продолжил: – Выяснилось, что расположение звезд этого человека угрожало национальной безопасности Соединенных Штатов. Точно не выяснили, но при определенном стечении обстоятельств Америка была бы потрясена до основы основ.

– Ты снова переводишь все на задницу, Билли, – с укоризненной произнес президент.

– Это почему?

– А кто упомянул основу основ? Таковой у нас давно уже является демократия и ее ценности. Следовательно, этот русский представлял угрозу не только для американской нации, но и для нашего личного счастья.

Госсекретарь аплодировал громко и долго. А потом наядбедничал:

– А еще их премьер в своих интервью называет нас толстожопыми педиками.

– Какой негодяй! – возмутился Брюс Моисман. – Наглая клевета, мы тщательно следим за своими фигурами.

– Да он не лично про нас, а про всю нацию в целом.

– И это неправда. Вот ты, Билли, читал последний доклад Агентства Национальной Безопасности?

– Нет, сэр. Но мне его прочитали вслух. Да, я помню, что избыточный вес всего лишь у девяносто пяти процентов населения. Но что радует, среди людей – на уровне восьмидесяти.

– Что-то я не пойму...

– Имеется в виду, сэр, что среди чернокожих толстяков больше.

Брюс Моисман поморщился от грубой откровенности подчиненного. Долгие годы политической карьеры приучили его к осторожности в выражениях. Госсекретарь заметил

недовольную гримасу и поправился:

– Извините, совсем забыл о толерантности. Конечно же, афрониггеры. И кстати... или не кстати... русский премьер обещал, что следующим президентом станет именно черный, ой.

– У нас или у них?

– У них-то афрониггеры откуда? Конечно, у нас.

– Какой негодяй.

– Кто?

– Тот, кто станет президентом.

– А он станет?

– Конечно, нет, у нас ведь демократия, а не интернационализм. И вообще, Билли, это очередная неудачная шутка мистера Volodiya. Помнишь прошлую? Как мы долго боялись заходить в сортир...

– О, да! И ходили прямо... Ой, извините, это русские виноваты.

– Северные варвары, – согласился Брюс Моисман. – Интересно, а почему их так называют, ведь на севере у нас Канада?

– Может быть, они ее уже оккупировали? – предположил госсекретарь.

Президент так разволновался от подобной несправедливости, что его неудержимо потянуло выпить. Он нетвердой походкой, осторожно перешагивая через солнечного зайчика, пробравшегося из-за металлокерамзитовой шторы, про-

следовал к своему столу и вытащил из ящика бутылку водки и два захватанных граненых стакана. Следом появился кусок лежалого, уже тронутого желтизной сала.

– Пить водку и закусывать ее салом меня научил сам покойный Джеймс Бонд, – похвалился Брюс Моисман, разливая. – Трогательный английский обычай, называется «файф-о-клок».

– Душевный народ эти англичане, – восхитился Уильям С. Ракс. – И традиции у них замечательные. Споем про старую добрую Англию или еще по одной?

– Конечно, повторим, дорогой мой, – согласился президент и достал еще бутылку. Потом подумал и присоединил к ней две банки пива. – Как говорят наши друзья и союзники с Туманного Альбиноса – водка без эля, что гинею отпустить до ветра!

– Туманного Альбиона, сэр, – машинально поправил госсекретарь.

– Я так и говорю. А ты, Билли, чем умничать, лучше бы рассказал, как мы избавились от этого русского негодяя. И не режь сало такими крупными кусками! Его в отличие от кокаина на любом перекрестке не купишь – продукт дорогой и редкий. Нет, лучше сам порежу, а то на второй срок не останется.

Мистер Уильям С. Ракс поперхнулся и долго кашлял, прежде чем начал доклад.

– Я подключил к этому делу министра обороны, сэр.

– Нашего?

– Разумеется. Английский был в отпуске по уходу за его заболевшей киской.

– О, эти англичане всегда так сентиментальны.

– Нет, сэр. У них министром обороны женщина. И у госпожи Виктории Брахман никогда не было домашних животных, за исключением мужа-футболиста.

– Вот как? А она из лейбористов или консерваторов?

– Не знаю, сэр. Должность была куплена два месяца назад на аукционе «Кристи» за тридцать три миллиона фунтов стерлингов.

Брюс Моисман в этот момент закусывал и потому пробурчал с набитым ртом:

– А почему не обратились к директору ЦРУ?

– Да ведь он же негр?

– Не может быть! – От неожиданности президент забыл даже про толерантность. – И что за мудака назначил негра на такой ответственный пост?

– Но, сэр, это вы его и назначили...

– Наверное, я был сильно не в себе? – Брюс Моисман смутился, разволновался и для успокоения поглаживал карту Западного полушария, расстеленную на столе, где-то в районе Гондураса.

– Вы были абсолютно трезвым, сэр, – осмелился возразить С. Ракс.

– Не помню...

– На следующий день после инаугурации. Вы еще сказали, что будет прикольно иметь афронигтера на посту директора ЦРУ.

– Я так сказал? – оживился президент. – Спасибо за напоминание, Билли. Будь добр, позвони ему и пригласи на вечернее совещание при свечах. И озаботься, чтобы устрицы в этот раз были свежие. Что за тухлятину мы ели на прошлый уик-энд? Опять какой-нибудь раритет с аукциона?

Госсекретарь обиделся и возмущенно засопел. Конечно, мужланские замашки шефа его очень возбуждали, но и доставляли немало хлопот по приданию им достойной гламурности. И вот новый несправедливый упрек. А ведь сколько стоило трудов и нервов, чтобы достать те самые устрицы, что остались от праздничного обеда на «Миссури». Того самого обеда...

– Ты что, ревнуешь, Билли? – забеспокоился Брюс Моисман. – Не волнуйся, завтра же утром он не будет директором, обещаю.

– Его нельзя увольнять, сэр.

– Это почему?

– А кто будет тренировать бейсбольную команду Белого дома? И традиция требует...

– Традиция? – радостно перебил президент. – Так давай же выпьем за традиции. Как замечательно, что они у нас есть.

– Да, сэр, у Соединенных Штатов древняя история.

– Ты мне будешь говорить! В колледже я получал за этот

предмет высший балл во всем выпуске. И всего лишь за двадцатку в неделю. Так что выпьем за историю нашей великой страны, которая насчитывает уже больше двухсот лет. Кстати, почему насчитывает?

– В каком смысле?

– В прямом. Ведь считать должна арифметика.

– Ничего не могу сказать, сэр. Я всю сознательную жизнь изучал право, – скромно ответил госсекретарь.

– Ха, Билли, у тебя половинчатое образование. Ты изучал право, а как же лево?

– А мне не нужно налево, сэр. Я люблю вас.

Душевный порыв был прерван появлением секретаря. Простого, не государственного. Он вынес пустую посуду, в соответствии с обычаями «файф-о-клока» стоявшую под столом, и сменил на столе карту Западного полушария на Восточное – президент любил класть сало в район Персидского залива. Правда, ненадолго, а то через некоторое время закуска начинала медленный дрейф в сторону украинской границы, где и пропадала бесследно, даже не оставляя жирных пятен.

Простой секретарь закончил свои дела и молча вышел, а государственный продолжил было свои признания. Но Брюс Моисман не зря хвастался хорошей памятью:

– Но чем все же закончилась история с этим русским?

– Я думаю, что об этом лучше расскажет сам Пол Глобсон. Он уже часа четыре отирается в вашей приемной.

– Ну зачем же так долго?

– А пусть проникнется важностью момента. И, тем более, он ожидает приема не у кого-нибудь, а у одного из высших Посвященных нашего... Нашего, короче.

– У кого короче, Билли?

– А у всех, сэр. Хотите посмотреть? – Мистер Уильям С. Ракс достал из кармана листок бумаги. – Вот рейтинг журнала «Форбс» за первое полугодие.

Президент взял список и внимательно вчитался, беззвучно шевеля губами и покачивая головой. А потом перевел взгляд вниз, скривился и со злостью произнес:

– Вот задница, и здесь русские нам подгадили. Ладно, зови своего Глобсона.

Буквально через несколько секунд в кабинете возник главный астролог, вооруженный громадным портфелем из крокодиловой кожи, производимой китайцами из опилок по советской еще технологии. На стол поочередно были выложены несколько толстых пачек бумаги, два свитка, череп летучей мыши в масштабе три к одному, сушеная кроличья лапка, пузырек с бобровой струей, черная свеча медицинского происхождения и гусиное перо в бронзовой чернильнице.

Брюс Моисман поморщился:

– Избавьте нас от этого, Пол. Неужели нельзя было принести все материалы на флешке?

Глобсон даже вздрогнул от произнесенного вслух святотатства.

– Ни в коем случае, сэр. Моя наука настолько древняя, что не терпит механизации, не говоря уж о компьютеризации. Все расчеты выполняются вручную только на пергаменте или бумаге.

Такой довод убедил президента:

– О, да! Я вас прекрасно понимаю. Это как «Порш» ручной сборки – очень надежно и очень дорого. Ну, так объясните нам хотя бы на пальцах, какую угрозу представлял для нас этот Шмелёв и как вы справились с проблемой?

Астролог приготовился к докладу, приняв позу римского оратора на Форуме, подсмотренную в одном из исторических фильмов с Кирком Дугласом, и открыл рот. Но вместо слов оттуда вылетело облачко дыма, лицо Пола Глобсона вдруг стало стремительно усыхать, покрываясь глубокими трещинами, все тело вспыхнуло фиолетовым огнем, и он упал, на глазах превращаясь в кучку пепла, прикрытую мерзко воняющими тлеющими тряпками. Тегеранский ковер ручной работы был безвозвратно испорчен.

– Он это специально сделал, сэр? – спросил госсекретарь, гнусавя из-за прижатого к носу кружевного платочка.

– Тихо, Билли, – прошептал президент. – Он грядет...

– Куда?

– Не куда, а кто. Великий Магистр грядет, я чувствую его приближение прямо сейчас, – пояснил Брюс Моисман. – Прямо сейчас...

Всколыхнулись тяжелые шторы, громко хлопнули лам-

почки в люстре и светильниках, осыпаясь на пол стеклянным крошевом, и прямо в центре кабинета сгустилась тень. Она быстро становилась все реальней, превращаясь в таинственную фигуру в черной рясе с надвинутым на глаза капюшоном. Сразу в нескольких местах Овального кабинета вспыхнули огоньки, оставив после себя едкий дым – это горели многочисленные подслушивающие устройства, а госсекретарь с громким криком вытащил из кармана вспыхнувший в его руках диктофон.

– Это Вы! – Президент, хоть и предчувствовал визит, был потрясен. О существовании этого человека, если то был человек, знали очень и очень немногие. Еще меньше оставалось после аудиенции в живых.

– Да, это я. – По знаку Великого Магистра подлетело кресло, и он опустился так величественно, как если бы садился на трон. Привычка? Лицо так и осталось закрыто капюшоном, только в глубокой тени под ним фиолетовым светом сверкнули глаза. – Я тут насорил немного... Потом не забудьте прибраться.

– Извините... а он эт самое... все? Насовсем? – спросил Брюс Моисман, указывая на все, что осталось от астролога.

– Да. – Короткая пауза после столь исчерпывающего ответа свидетельствовала о неуместности дальнейших расспросов. Но после произведенного должного впечатления пояснение все же последовало: – Этот болван провалил операцию.

– Но как? – опешил президент. – Ведь Пол Глобсон пришел с докладом об успешном выполнении.

– Он дурак!

– Я знаю, сэр!

– Теперь это уже не важно, – Великий Магистр покосился на кучку пепла на полу. – Ваш астролог не придумал ничего лучшего, как послать на устранение обычных снайперов.

– Я бы тоже так сделал, сэр. – Брюс Моисман в недоумении почесал затылок. – Раньше всегда срабатывало.

– Да, для обычных людей достаточно. Но наш клиент исчез точно в момент выстрела.

– Сбежал?

– Нет, он пропал вообще и до сих пор не найден ни среди живых, ни среди мертвых.

– Так и на кладбищах искали?

– Не болтайте ерунду! При чем тут кладбища? Существуют методики... Впрочем, вам о них знать еще рано.

– А чем же он тогда опасен, исчезнувший русский?

Великий Магистр нахмурился. Так, во всяком случае, показалось президенту, потому что под капюшоном ничего не удавалось разглядеть.

– Лучше бы вам никогда не задавать этот вопрос.

– Тогда считайте, что я промолчал.

– Но тем не менее... С вероятностью в девяносто процентов – он «Спящий».

– Да? Ну и пусть бы себе спал, нам не жалко.

– Так и знал, что ничего не поймете. – Глаза Магистра сверкнули, и в Овальном кабинете запахло озоном. – Спящие – это потомки народа, с которым наш Орден ведет войну уже несколько тысяч лет.

– А, конечно же... Древние арии!

– Тьфу на вас! – Хорошо еще, что плевков не был прицельным, так как в месте его падения задымился и обуглился паркет. – Сочинений господина Фомменгоу начитались? И не стыдно?

– Я больше не буду! – заверил президент, прижав пухлые ладошки к груди. – А что с тем народом потом стало, сэр?

– Они нас обманули!

– И сбежали из Египта?

– Прекратите меня перебивать!

Великий Магистр возмущенно засопел и совсем было решил испепелить наглого нарушителя этикета, но заставил себя сдержаться. По странной закономерности каждый последующий президент почему-то оказывался гораздо хуже предыдущего. Приходилось терпеть.

– Вы слышали о скифах?

– Конечно, сэр. Это самый популярный мюзикл прошлого года.

– Значит, не слышали.

Госсекретарь мистер Уильям С. Ракс, до того робко молчавший, решил блеснуть эрудицией:

– Я читал, что так Наполеон называл русских.

– Билли, но ведь он давно умер, – удивился Брюс Моисман. – Откуда ты знаешь?

Из-под капюшона послышался сдавленный стон, переходящий в зубовой скрежет. Но когда Магистр начал рассказывать, его голос звучал ровно и бесстрастно. Он говорил о народе, который долго сопротивлялся Ордену. И о том, как народ тот сыграл со своими врагами злую шутку – устав от бесконечной войны, он просто прекратил ее. Усыпили свою память, причем так избирательно, что мир сначала ахнул, а потом содрогнулся и ужаснулся. Прежнее их имя не сохранилось, но то, что получилось, соседи называли скифами.

– Постойте, как не сохранилось? – не согласился президент. – Мне читали доклад Агентства Национальной Безопасности, что в России появились потомки тех, древних. Бегают в голом виде по лесу, питаются кедровыми деревьями... А название... название... что-то с ведрами связано.

– Слышал о них, – в голосе Магистра прозвучала одобрительная насмешка. – Перспективные для нашего дела люди, но не имеющие отношения к тем, прежним. Впрочем, займитесь ими по стандартному сценарию.

– Но, сэр, они же в России.

– Знаю, и что?

– Русские не поймут, если мы начнем бомбить их территорию.

– Разве я сказал бомбить?

– Конечно, сэр. Вы сказали – по стандартному сценарию.

– Хм... Имелось в виду нечто иное.

– Да?

– Конечно. Организуйте пару фондов, дайте гранты...

Пусть будут под присмотром.

Президент ничего не понял, но на всякий случай записал слова Великого Магистра в ежедневник, клятвенно обещая непременно принять меры.

– А что делать со Славелем, сэр? Бомбить?

– Ничего не делайте. Мне нужно посоветоваться с начальством.

С этими словами гость исчез из кабинета так же таинственно, как появился, оставив после себя неприятный запах, в котором Брюсу Моисману почудилось что-то знакомое.

– Это деготь, – пояснил госсекретарь, не дожидаясь вопроса. – Он же креозот. Поверьте специалисту, прожившему на ферме целых две недели. Мне им лечили стригущий лишай, который я подхватил от...

– Не нужно интимных подробностей, Билли. Вот лучше скажи – разве у нашего шефа может быть вышестоящее начальство?

– Конечно, нет, сэр. А вот там, – мистер Уильям С. Ракс показал пальцем в пол, – наверняка есть нижестоящее.

– Ему хорошо, – вздохнул президент. – Он может посоветоваться.

Госсекретарь внимательно рассматривал следы на парке-

те, формой напоминающие раздвоенное копыто, и потому ответил не сразу.

– Может быть, нам вызвать директора ЦРУ?

– Эту черную задницу? Разве он, кроме рэпа и кокаина, еще чем-то интересуется?

– Конечно, сэр! Еще бейсболом!

Глава 4

Славельский князь Юрий Всеволодович молча мерил шагами просторную горницу, время от времени поглядывая в оконце, в переплет которого было вставлено дорожное, три веса серебром, татинское стекло. На улице смеркалось, и потому на столе горела лампа под прозрачным колпаком, заправленная чем-то вонючим. Она тоже стоила немалых денег, как многое другое, привезенное из соседнего княжества, неведомым образом появившегося под боком четыре года назад.

Да, черт возьми, именно княжество! А как еще можно назвать страну поболее какой-нибудь Богемии раза в два? Для королевства слишком велико и раскинулось широко. С захода ограничено рекой Ладой, впадающей как раз у подножия славельских стен в Шелокшу, в свою очередь являющуюся северным рубежом. А на закате по Сурове спорные земли с черемисой луговой да чувашами-кимеретниками, причем последние все более склоняют голову в сторону Татинца.

– Господи! – Князь Юрий Всеволодович плюнул и перекрестился.

И пришло же кому-то в голову назвать новый городок столь похабно. Нет, он догадывался, кому, но все же... Правда, и народец в нем имени тому соответствовал. Года три тому болгары, обозленные потерей мордовской дани, реши-

ли разобраться с незваными соседями и подступились было немалым, тысячи в три, войском. Осадили, но в первую же ночь не досчитались половины коней. А во вторую и остатки пропали бесследно. Неделю продолжалась осада, по истечении которой болгарское воинство, оставшееся без обоза, исчезнувшего среди бела дня, согласилось поработать за харчи на раскорчевывании лесов вокруг городка.

Так бы и трудились мирно, если бы хан Тузбубей, обеспокоенный исчезновением войска, не повел на Татинец еще пять тысяч конников. На берегу Суровы их встретило посольство с предложением заключить мир. Передавая грамоту, хмурый воин с лохматой бородой до пояса добавил на словах, что-де князь Николай, в знак выдающегося своего миролюбия, разрешает гостям невозбранно вернуться домой, оставив лишь в знак дружбы и взаимопонимания своих коней, на которых любовь к человечеству не распространяется. А буде вклад в дело мира покажется чрезмерным – то по серебряной гривне с гостевой головы, и не важно, с чьей.

Хан возмутился неслыханными требованиями и приказал покарать нечестивца, их передавшего. Несмотря на урон, нанесенный окованной железом дубиной, посла схватили, связали по рукам и ногам да бросили в Сурову. И долго потом юные русалки в двух реках шепотом пересказывали друг дружке интересные высказывания, подслушанные у возмущенного лешего, буксируемого домой двумя огромными сомами.

А болгары, потеряв при переправе от неизвестных напастей десятую часть войска, спалили недостроенный Курмышский острог и через трое суток осадили Татинец. По дошедшим до Славеля слухам, в решающей битве под стенами города князь Николай применил какое-то новое оружие, настолько тайное, что ничего о нем до сих пор не удалось выведать. И немногие оставшиеся в живых гости добровольно решили отработать нанесенный ущерб и расходы княжества на войну.

Вот тут-то, по мнению Юрия Всеволодовича, татинский князь и допустил ошибку. Не роковую, конечно, но все же... Зачем было отправлять вниз по течению Шолокши плот с повешенным ханом Тузбубеем? От него, правда, не много чего осталось после битвы, но доплыло еще меньше – тут уж постарались прожорливые мартыны. А может, это вовсе и не ошибка была? Обрадованные наследники еще дважды ходили походом и оба раза напрямик к городу, не отвлекаясь на заставы, острожки и мелкие деревни. И опять цены на коней на славельском торгу упали втрое...

– Почто грустишь, княже? – Появившийся на пороге архиерей был бодр и весел. От его могучего голоса дрогнули стекла в окнах, а в налитом до краев ковше пробежала мелкая рябь. – Уныние – грех.

– Садись! – Юрий Всеволодович сам опустился на лавку и подвинул Савве тяжелую посудину. – Будешь?

– Господь с тобой, – перекрестился тот. – Что я, немец

какой? И так в прошлом году трижды нетрезв был, да и в этом уже один раз.

– Нешто в будний день хмельного предложу? – князь отпил и удовлетворенно крякнул. – Квас это черемуховый.

– Тогда буду, – архиерей уселся напротив и протянул руку. – Давай.

Савва приложился надолго, отчего борода его, скрывающая след давнего сабельного удара, задвигалась в такт глоткам. Сразу видно – наш человек. Прежний-то пастырь, ставленный Владиславльским митрополитом, был из греков и квас не жаловал, а наливался ежеутренне романеей да ренскими винами. Немудрено при такой жизни упасть с колокольни, ухитрившись перед тем перерезать себе горло, изображая архангела с пылающим мечом. Вот и наказал Господь за богохульство.

– Так чего грустишь-то? – переспросил архиерей, переводя дыхание.

– Посольство еще неделю назад должно было вернуться, – пояснил князь. – Из Татинца, черти бы его побрали.

– А зачем?

– Зачем вернуться или зачем побрали?

– Не о том спрашиваю. На кой ляд Николаю Васильевичу с нами связываться? Ему вроде и своих забот хватает.

– Уже и по имени-отчеству величаешь? Недавно лишь самозванцем называл.

– Ну и что? – Савва поставил на стол пустой ковш и вы-

тер губы рукавом. – В сем грехе перед Господом я покаялся. Власть, она от Бога, а князь татинский это силой подтвердил. Сам же, небось, не квасу испить его зовешь.

– У меня политика.

– Мне-то уж не ври, – укорил архиерей. – Знаю твою политику.

– Знаешь, – согласился Юрий Всеволодович. – И чего тогда перечишь?

Савва только руками развел. Всем хорош славельский князь, да вот есть у него мечта многолетняя – досадить родичам нелюбимым, из-за которых и покинул стольный Владиславль, забравшись в здешнюю глухомань. Это сейчас в Славеле хорошо и, как говорят проклятые латынцы, цивилично, а во времена былые медведи не только по улицам ходили, но и горшки с кашей из печей воровали.

Но за многие годы княжество окрепло, прибавило земель и разбогатело до такой степени, что родственники перестали досаждать грабежами приграничных деревушек. Но не оттого, что опасались, а просто не хотели разорять то, что считали почти уже своим по лествичному праву. Юрий Всеволодович, по обыкновению своему, и послал бы племянников в кощееву задницу, только это ничего не меняло. Сыновей ему Господь не дал, а единственная дочь, отданная в Гледен за тамошнего князя, погибла вместе с мужем при нападении на город болгар.

– Не хочешь отдавать?

– Не хочу. Вот им, бляжьим детям! – князь Юрий повернулся и ткнул кукишем точно на закат. – Их там осьмнадцать рыл, и все с большими ложками к моему столу. Для того ли все собирал, чтобы потом эти земли по кусочкам растащили? Уж лучше черту лысому отдам.

– Не поминай черта! – повысил голос архиерей и грохнул кулаком, случайно расплющив серебряный ковшик. – Хотя бы при мне не поминай. Тьфу, ввел во искушение.

– Да я...

– Ладно, – отмахнулся Савва. – То для порядку сказано. Грех это малый, а если к пользе Земли Русской, то вроде как и не грех вовсе.

– А покойный отец Павлин говорил... – попробовал усомниться князь.

– Да чего он знал, окромя содомии, тот грек немыйтый? Настоящий черт, если честно сказать, нечистым не является и направленный умелой рукой, естественно с молитвой, пользу может принести немалую. От пьянства кого отвадить или с колокольни сбросить... Э-э-э... В смысле, если звонарь приболел, то и к обедне прозвонят.

– И не помрут тут же в корчах?

– С чего бы это? Чай, не бесы какие и к диаволу семени отношения не имеют. Ты же домовых демонами не зовешь? А что с хвостом, так и не с такими изьянами живут. У боярина Вечкана жену видел?

– Что, и у нее хвост? – поразился Юрий Всеволодович.

– Ну, так далеко я не заглядывал, – улыбнулся Савва. – К тому веду, что у чертей нрав помягче будет.

Князь усмехнулся в ответ:

– Так вот почему он так в Татинец с посольством рвался.

– И ты его отпустил?

– Да уже и вернуться должен. А что не так?

Архиерей долго молчал, пытаясь расправить злополучную посудину, а потом задумчиво произнес:

– Не нравится он мне.

– И правильно, не баба же...

– Не о том говорю. Мутный какой-то твой боярин.

– Может, пьет тайком? – предположил князь. И тут же себе возразил: – Это вряд ли, уж больно бережлив и за лишнюю куну удавится.

– Вот, – Савва качнул головой, – скупердяй известный, а двоих франконских рыцарей с оруженосцами с самой зимы кормит-поит да привечает.

– Это от Папы Римского которые приехали? А вроде трое было...

– Угу, было. Ты почто их в Татинец послал?

– Я? – искренне удивился Юрий Всеволодович. – И не думал, я их в другое место посылал. Может, перепутали второпях?

Архиерей хорошо помнил, как долго и безуспешно франконы пытались добиться приема. Но князь все отказывал, ссылаясь на то, что гордый, но слишком уж смрадный ры-

царский дух вызывает у него воспаление в железах и разлитие черной желчи. Рыцари продолжали настаивать на личной встрече, но мыться перед тем отказывались, им де в доспехах в бане слишком жарко будет. И в один прекрасный момент своего добились – князь Юрий вышел на крыльцо самолично и пояснил причины своего отказа громко и подробно. Неизвестно, поняли ли посланцы Григория Пятого правильно, но только в тот же день уехали все шестеро, считая оруженосцев. А вернулись вчетвером, имея в поводу лишнего коня, груженного помятыми латами.

– В том и дело, что было, – повторил Савва. – Повесили франконов татинские лешаки.

– За что?

– За шею, знамо дело.

– Нет, причина в чем?

– Да вроде убили кого-то...

Юрий Всеволодович нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

– Не по Правде князь Николай сделал. Нехорошо.

– А мне нравится, – неожиданно заступился архиерей. – Око за око, зуб за зуб. По Божьим законам живут, Святое Писание чтят. Да и чего Николаю Ярославова Правда, коли он не из Рюриковичей?

– Да оно и хорошо, что не Рюрикович.

Савва вопросительно поднял бровь:

– И чем же?

- Греха Каинова на нем не будет.
- Так ты...
- Догадался? Вот и ладушки. Пока живой, я это сделаю.

Из записок Николая Шмелёва

«Да кто же знал, что жизнь княжеская не медом намазана? Сейчас вернуться на четыре года назад – уговорил бы Серегу принять на себя эту достойную и почетную обязанность. Не зря он волхв премудрейший. А я... а я дурак. Но дурак начитанный, и потому из многочисленных книжек вынес стойкое заблуждение – стоит только накинуть на плечи красный плащ, а на голову соответствующую шапку, как тут же сам собой образуется большой и перманентный ништяк. Нет, какие-то трудности, конечно, будут. Интриги завистливых соседей там или подкладывание в мою постель шпионящих баб-с.

Угу, хренушки. За тот плащ на торгу приезжие грекосы просят столько, что жаба душит, и за четыре прошедших года так и не смог с ней договориться. И баб нет. В смысле – вообще нет. Какие-то, конечно, бегают по городу... Но ни одна сволочь не догадывается, что князь тоже живой человек. Да и поняли бы, что с того? У меня несколько иные представления о женской красоте.

И какая свинья писала, что наивные и малообразованные люди в прошлом будут заглядывать

в рот пришьелцу из будущего, с благоговением выслушивая великие откровения? Дождешься от них, как же. Им слово – они в ответ восемь. Я идею – мне отчет о состоянии казны. А на предложение построить что-нибудь такое, что принесет денег много и сразу, просто покрутили пальцем у виска.

Они – это Серега, Тимофей и Хведор Лешаков. Первый неофициально выполнял обязанности премьер-министра, второй как-то незаметно стал заведовать финансами, а третий получил должность главного воеводы, подтвердив в боях, что звание дважды полковника было получено по заслугам. И я, как центральная фигура, на которую спихивается вся ответственность за самые непопулярные решения.

Вот кто, например, прослыл среди соседей кровавым палачом и чуть ли не людоедом? Догадались? А то, что идея отправлять на виселицу виновных в грабежах и убийствах мирного населения принадлежит многомудрому волхву, не помнит никто. А я чего? Так, только небольшие изменения внес – вешать убийц за ноги. И если инициативу на местах творчески доработали, то не моя вина. Сам был удивлен, когда узнал, что насильников привязывали за... хм... орудие преступления. У кого оно оставалось в наличии после проведенного по горячим следам расследования.

Ладно уж, перетерплю несправедливые упреки в кровожадности. Мальчики кровавые еще не мерещатся. Зато постоянно плывущие вниз по Шолокше плоты с виселицами выдрессировали агрессивных соседей

так, что набегι постепенно сошли на нет, а во время официально объявленных войн болгары стороной обходили деревни, над которыми был вывешен флаг с моим гербом. Сам флаг можно было купить у Тимохи совсем недорого, но использование его обходилось владельцам в пять процентов годового дохода. Мало, конечно, зато живыми деньгами и никакой мороки с полюдьем. И даже, говорят, в самой болгарской столице появились целые кварталы, огороженные серпастым и молоткастым.

Ну да, не стал ломать голову и просто изобразил на гербе Татинца серп и молот. И, как выяснилось, угадал. В новом символе местные мудрецы увидели некий сакральный смысл, намекающий на единого Бога и призывающий к объединению креста и полумесяца перед лицом мерзких язычников. К последним отнесли всех врагов внутренних и внешних, включая Папу Римского, калифа Багдадского и Патриарха Константинопольского. Сомневаюсь, конечно, что они когда-нибудь слышали о нашем существовании, но в информационной войне превентивный удар никогда не будет лишним.

Выпрошенный у славельского архиерея батюшка поначалу новшества не одобрял и грозил анафемой, но удалось подобрать ключик и к его скверному характеру. Отец Мефодий в молодости был изрядным рубакой, оставив меч только из-за тяжелых ранений, так что, получив в подарок шелковую рясу с кольчужной подкладкой и пастырский посох со спрятанным

внутри клинком, сменил гнев на милость. Только распорядился образ Ярилы Чудотворца, изображенный с излишней подробностью, унести в алтарь, куда нет хода женщинам.

Только помощь святого отца, вошедшего в долю, помогла мне открыть предприятие, приносящее стабильный доход. Конечно, не завод и не фабрика, но небольшая стекольная мастерская дымила потихоньку своими печами. Сырье для нее было свое – странной прихотью природы чуть выше по течению Шолокши располагались богатейшие залежи кварцевого песка. Месторождение это существовало и в моем мире, и доказательством может послужить обычный граненый стакан. Возьмите его в руки и... Как нет стакана? Вы что, женщина или вообще нерусский человек? Ах, в гараже... Так вот, возьмите его в руки и посмотрите на доньшко. Там, кроме цены в четырнадцать копеек, есть еще три буквы, обведенные полуovalом. Нет, это не те буквы, которые можно прочесть на заборах, немного другие. В наше время там было написано «Бор», по имени городка, в котором находился завод. А сейчас там только лес, в котором добровольцы из пленных копают песок под присмотром лешачьего спецназа.

Лешаки понадобились скорее не в качестве конвоя для работников – люди трудились за плату и бежать не собирались, а на случай непредвиденных случайностей. Но если в Славеле и углядели непонятную суету на противоположном берегу чуть ниже города, где шла погрузка на плоты, то виду не подавали, старательно не

замечая нашу деятельность.

С соседями у нас вообще сложились странные отношения. После моего стремительного... хм, ну, пусть будет – отступления, и мы, и они делали вид, что другого города не существует вовсе. Князь Юрий Всеволодович беспрепятственно пропускал купцов (да, не смейтесь, появились и такие), а я всеми силами изображал равнодушие и непомерную храбрость. Хотя, по чести сказать, все четыре года серьезно опасался удара в спину. Много и не надо было, и не обязательно военной силой, просто перекрыть подвоз хлеба. И все, наступает полный и неотвратимый каюк. Или песец, как кому нравится. Против нормальной дружины выстоять бы не смогли, при всей моей способности важно надуть щеки и делать умное лицо. Тем более тут свои, чуть ли не вчера вместе детей крестили.

Но князь проявил редкостное миролюбие, позволившее Татинцу окрепнуть и встать на ноги. Появились уже упоминавшиеся купцы, жители кое-какие, небольшое профессиональное войско вдобавок к лешачьему спецназу, который правильным боем не владел и обучению не поддавался категорически. И относительно мирный период подействовал благодатно. Серебришко в кошельках появилось, особенно благодаря той самой относительности. Стычки с беспокойными восточными соседями приносили более-менее регулярный доход в казну. Выгодное дело, оказывается, если подойти с правильной стороны.

А недавно и они перестали беспокоить, только распускали нелепые слухи об имеющемся в Татинце чудовищном оружии, способном испепелить триста человек одновременно. К большому сожалению – врут. Вундерваффе из пушек так и не получилось – самобранный мешок категорически отказывался выдавать порох даже для экспериментов, а идея получать его самим мало того, что изрядно пованивала выгребными ямами, так еще и с треском провалилась. Кто-нибудь сам пробовал добывать селитру из дерьма? Нет? И не пробуйте, мой вам совет. После нескольких месяцев, самых мерзких, замечу, стало немного получаться. Ага... А потом вывариваемое зелье взорвалось к чертовой матери, обрушив две башни и метров двести стены.

Из наших, слава Богу, никто не пострадал, только Тимоха неделю заикался и боялся близко подходить к городу. Так и ночевал в лесу. А под удар попали занятые на строительстве пленные болгары. Вот они-то, все пятеро уцелевших из почти трех сотен, и послужили источником мерзких и насквозь лживых слухов. Предлагал же Сереге пустить недобитков в расход. Нет же, мудрому волхву пристало быть гуманным. Тьфу на такой гуманизм! Могли бы и в жертву их принести ради такого случая. И пусть его боги человеческих жертвоприношений не требуют, а вдруг... И даже если нет... Поменяются с кем-нибудь. Но отпускать-то зачем?

Распустились они, ей-богу распустались. Это я о

соратниках своих говорю. Ни тебе самодурства не дают проявить, ни абсолютизма. Сатрапы, одним словом. Нагрузили на бедного пришельца из другого мира непомерную власть, но не объяснили, что это просто работа такая. Вроде сантехника – люди гадят, а мне прибирать...

На этом поучения чадам и домочадцам заканчиваю. Зовут. Сказали, что Змей Горыныч прилетел. Рычит перед воротами и ругается. Так что без меня никак. Если не съест – завтра продолжу.

Татинец. Год пятый от основания города».

Глава 5

На подгибающихся ногах и нетвердой походкой Коля Шмелёв шел навстречу неминуемой смерти. Нет, что вы, право слово, никакого страха он не испытывал. Просто пластинчатый доспех, надетый поверх четырех кольчуг, никому не прибавит устойчивости. К слову сказать, и надежды на выживание тоже. Серега так и сказал, наливая напоследок полуведерный ковш медовухи:

– Ты, княже, не переживай, авось и убьешь зверя.

А голос жалостливый, и в глазах сочувствие проглядывает. Николай лицемерие раскусил сразу, но промолчал, так как благодарные подданные требовали подвига. Не своего, разумеется, и были правы. Что это за власть, если не готова за народ голову сложить?

Князь Татинский медленно и осторожно ступал по улице, к сожалению, слишком короткой, и отмахивался свободной рукой от Тимохи, пытающегося всучить забытый было в тереме меч. Получалось плохо, так как приходилось еще и следить за равновесием. Падать было нельзя, хотя и хотелось – несколько пудов железа так и пригибали к земле. Себя бы дотащить.

– Отстань, – отбивался Николай, – копьём обойдусь. И не зли меня.

– Но как же... – домовою растерянно посмотрел на парад-

ный кладенец. – Чем же ты голову ему отрубить будешь?

Столпившийся у ворот народ оживленно обсуждал знаменательное в жизни города событие и со знанием дела давал советы:

– Ты по яйцам его бей, княже. По яйцам... – настойчиво твердил здоровенный детина в заляпанном известкой фартуке. – Против Змеев первое средство.

– Дурак ты, – отвечал ему сосед слева. – Это Кощеев так.

– Без разницы, у Горынычей то же самое.

– А вот и нет. Я со стены смотрел – ничего там не болтается; ни сундук, ни утка, ни заяц.

– Да уж, – усмехнулся детина, – это в твоём возрасте болтаться должно. Не слушай его, княже, дело говорю.

Николай и не слушал, все голоса сливались в глухой невнятный гул, а лица были будто одно – большое, небритое, воняющее прокисшим пивом. Да и его мешала разглядеть личина на боевом шлеме. Внезапно дорогу загородил отец Мефодий.

– Куда без благословения? В лапы нечистого захотел?

– Языком-то не мели, – строго одернул священника провозжавший Шмелёва волхв. – Вдруг это кто-то из наших, из старых?

– Так сам бы и шел! – парировал батюшка.

Сергея на пару секунд задумался и покачал головой:

– Нет, скорее всего, не наши. Раньше только Велес в виде змея появлялся. Этот каков, волосатый?

– Да куды там, – охотно проконсультировали из толпы. – Зеленый да чешуйчатый, со спины на стерлядку похож. А еще на зверя коркордила, только с крыльями.

– Точно не мой, – окончательно отмежевался от ответственности мудрый волхв и самоустранился.

Воспользовавшись ситуацией, отец Мефодий перехватил инициативу и отобрал у домового меч. Он торжественно перекрестил им князя и собравшуюся толпу:

– Возьми. Сим победиши.

– Бери-бери, – посоветовал и Серега. – Герой обязательно должен быть с мечом.

Коля ухватил его за рукав рубахи, подтянул поближе и прошипел в самое ухо:

– Издеваешься, да? Из меня фехтовальщик...

– Я тебя четыре года учил.

– И что?

– Ну-у-у... против Змея умения хватит. Вы же с ним не рубиться будете. Кстати, почему щит не взял?

– Засунь его себе... знаешь куда?

Уточнить Шмелёв не успел. Под восторженный рев зрителей ворота распахнулись, открывая путь к бессмертной славе. Николай еще успел подумать, что быть вечно живой драконьей какашкой – немного не то, о чем мечталось всю жизнь. И вроде и не жил вообще...

Грохнули, закрываясь, за спиной тяжелые створки. Вот он, первый шаг на дороге длиной в сто тысяч ли. Дрожащий

и неуверенный. Но надо, черт побери этого Змея с его огнедышащей глоткой. А здоровый, сволочь. В смысле, Горыныч. Шагов двенадцать от носа до кончика хвоста. Только вот точнее измерить не даст, сразу бросится. Вот он поднял голову и внимательно посмотрел на приближающегося человека немигающим взглядом. В вертикальных зрачках плескалась пугающая бездна. Огнем чудовище пока не плевалось, но на конце раздвоенного языка, высывающегося из приоткрытой пасти, плясал яркий лепесток пламени.

«Будто фашистский огнеметчик в кино», – подумалось Николаю.

До зверя осталось совсем немного. Он больше не шевелился и молчал. Коля медленно, не делая резких движений, перехватил копьё и порадовался, что не поддался уговорам и не взял меч. Хищное вытянутое тело рептилии даже на земле выглядело стремительным. Успеть бы ткнуть. Только куда? Шмелёв лихорадочно перебирал в уме все, что знал о ящерицах и драконах. Негусто... Оказывается, он знал только то, что они существуют. И все.

Город за спиной настороженно затих, ожидая развязки. Солнечный зайчик прыгнул на отточенный наконечник копья, занесенного для решительного удара, и перескочил на морду Горыныча, на мгновение ослепив его. Чудовище мотнуло громадной головой (одной, врут сказки) и раскрыло пасть.

– Ты кто? – спросил Змей неожиданно приятным барито-

ном. – Богатырь, што ле?

– Типа того... – растерянно признался Николай и опустил копье. Кажется, битва временно откладывалась.

– Понятно. Тады проваливай.

– А мне непонятно, – Шмелёв отстегнул личину и сдвинул на затылок мешающий шлем. – С какой стати проваливать мне, а не тебе?

– Мешаешь. Я первый пришел, – охотно пояснил Змей. – По делу, между прочим.

– А я?

– Мне почем знать? Может, на охоту собрался. Погоди... на меня, што ле?

– А если и так?

– Не согласен. Мы вообще так не договаривались.

– С кем? – поинтересовался Николай.

– Не важно, – уклончиво ответил Змей. – А теперь гуляй отседова, богатырь, не до тебя. Князя жду.

– Какого?

Горыныч поскреб в затылке когтем и пренебрежительно сплюнул в сторону, поджарив неосторожно пролетавшего воробья:

– Ты тупой? Местного князя.

– Ну, я пришел.

– Вижу. А теперь проваливай! Ходят тут всякие. Кому сказано – занято место!

– А вот и не уйду, – справедливо возмутился Николай. –

И вообще, ты чего на людей орешь?

– Чтобы услышал кто-нибудь.

– Я услышал. Легче стало?

– Как бы нет, – согласился Змей. – Так не уйдешь?

– С какой стати?

– Да и ладно, оставайся, вдвоем подождем. Присяжись, богатырь, – Горыныч гостеприимно обломил у комля ближайшую березку и положил импровизированную скамейку перед Шмелёвым. – Вместе не так скушно будет.

Некоторое время сидели молча, стараясь не смотреть друг на друга. Николай чувствовал, как отпускает державшее его напряжение. Неизвестное науке чудовище при ближайшем рассмотрении оказалось не таким уж страшным. А что хам и грубиян, так, может, им, летающим рептилиям, оно и положено? Вдруг это от метаболизма зависит?

– Слушай, богатырь, – первым нарушил молчание Горыныч, – одолжи копьё ненадолго.

– Зачем? – с подозрением покосился Шмелёв.

– Почесаться, – смутился Змей. – Не поверишь, свербит между крыльями, аж спасу нет. Выручи, а?

Он произнес это таким просящим и жалобным голосом, что суровое, но мягкое сердце князя растаяло.

– На, только не поцарапайся.

– Этой зубочисткой? – удивился дракон. – Да меня даже кумулятивный снаряд не берет.

– Какой-какой?

– А, все равно не поймешь, – отмахнулся Горыныч.

– Нет уж, постой... – Коля ухватил Змея за крыло. – Какие снаряды?

– Да любые. Ага, и выше, выше тоже почеси, а то я сам не достаю.

Шмелёв решительно вскарабкался по крылу, твердо намереваясь взять тупую рептилию за глотку и выбить из Горыныча все. Но тут под ногу неудачно подвернулось что-то торчащее между чешуек, Коля потерял равновесие, взмахнул руками и полетел вниз. Уже на земле его догнала тяжелая ржавая кривулина и со звоном, отдавшимся в голове, ударила в шлем.

– Так вот оно чо чесалось! – обрадовался Горыныч. – Спасибо, богатырь.

Николай встал, слегка покачиваясь, и поднял упавшую на него железку. Это оказался обломок багра со странно знакомой надписью латинскими буквами «MARIA CELESTA». Да и хрен с ними, с буквами, Шмелёва сейчас интересовало другое. Что-то хотел спросить у Змея, а что – не мог вспомнить.

– Не ушибся? – заботливо поинтересовалось чудовище.

– Еще не понял, честно говоря.

– Давай посмотрю.

– Смотри, не жалко.

– Доспехи-то сними.

– Ага, а ты меня сожрешь.

– А можно? – облизнулся Змей.

– Нет!

– Тогда не буду. Но бронь снимай. И кольчугу. И вторую. И третью. И четвертую. Слушай, богатырь, ты чего так вырядился? И не жарко?

– Это для красоты, – Коля с наслаждением избавился от опостылевших железных рубашек и стянул через голову провонявший потом поддоспешник. Шлем он сбросил еще раньше, и теперь стальная личина нагло скалилась в ответ на столь явную ложь.

Но рептилии, видимо, в нюансах человеческого вранья не разбирались. Во всяком случае Змей не подал вида. Он внимательно всматривался в князя загоревшимися зеленым светом глазами.

– Тэкс... кости целы, вывихов и растяжений нет. Стой, не крутись, сейчас синяки уберу. А это что у нас? Камни в почках в столь раннем возрасте?

– Не такой уж я молодой.

– А ты помолчи! – прикрикнул Змей. – Камни на фиг... печень... печень в норме. Зубы, две штуки... да хрен с ними, пусть вырастут.

– Экстрасенс что ли? – удивленно спросил Николай.

– Типа того, – буркнул Горыныч, заканчивая медосмотр. – Нормально, жить будешь. В отличие от...

– Кого?

– Это тоже не важно, – Змей опять ушел от ответа.

– Нет уж, говори, – потребовал Шмелёв.

– А зачем? Во многих знаниях – многие печали.

– Давай, я сам буду определять, что мне нужно знать, а что нет.

– Ачоа? Самый умный, што ле?

Николай сердито засопел и оглянулся в поисках упавшего копья. Чудовище заметило его взгляд и поспешило перевести разговор на другую тему:

– Может, познакомимся для начала?

– Можно, – кивнул Шмелёв. – Меня Николаем Васильевичем зовут.

– Хорошее имя, – одобрил Змей. – У здешнего князя такое же.

– Это я и есть.

– Да? – Горыныч опять поскреб когтем в затылке. – Не врешь?

– Зачем мне тебя обманывать? А не веришь, так спроси у любого в городе.

Страшный зверь подскочил, взмахнул крыльями, выпустил из пасти многометровую струю пламени и завопил дурным голосом:

– А-а-а-а! Нет мне пARDону! Прости, я не узнал брата Колю!

– Ты это... – опешил Николай, – поосторожнее с такими утверждениями.

Было от чего растеряться. Да и возмутиться тоже. Явля-

ется, понимаете ли, неизвестная науке рептилия и начинает набиваться в родственники. Вам бы понравилось иметь в братьях громадную ящерицу, пусть и летающую?

– Я же образно, – пояснил Змей. – Ты бы почаще умные книги читал. А возьми меня к себе жить, князь? Пригожусь, честное слово.

– К этому вопросу мы еще вернемся. Звать-то тебя как?

Горыныч скромно потупился:

– Годзилка.

– Японец?

– Не, што ты, вяццкие мы.

– Так вас много? – испугался Шмелёв. Вяццкие леса в этом мире были терра инкогнита, и что там творилось на самом деле, не знал никто. – Имя вам легион?

– Ачоа? Один я, – пояснил Змей. – Тока меня там не любят.

– За грубость?

– Не, за будущее. Я его вижу. Хочешь, тебе предскажу?

– Давай, – согласился Николай.

Годзилка задумался и прикрыл глаза. Но через минуту открыл их и присвистнул:

– А нету будущего. Помрешь.

– Все там будем, – усмехнулся Шмелёв.

– Да, но ты – завтра!

Коля шутку не оценил и решительно встал с бревна.

– На хрен такие предсказания.

– Правду же говорю, – обиделся Змей. – Вот за нее всегда и страдаю. Никто меня не любит. Я как лучше хотел... Зато там, в другом мире, твой сын полковником станет.

– Да? – совсем было собравшийся уходить, Николай заинтересованно посмотрел на Годзилку.

– Точно, – кивнул тот. – Только погибнет при штурме американской военной базы в Монино. А твоя жена... Про жену надо?

– Давай.

– Она еще раньше попадет под ракетно-бомбовый удар по Славелю. Из трех миллионов жителей уцелеет меньше четверти.

– Война?

– А не знаю...

Из записок Николая Шмелёва

«Информация, полученная от Годзилки, буквально раздавила меня. Я тут развлекаюсь, а там... Минут пятнадцать не мог сказать даже слова, просто отходил от шока. Наконец собрался с силами и приступил к расспросам. К сожалению, Змей сам толком ничего не помнил, так как в то время был обычным вараном и жил в зоопарке небольшого райцентра Вяцкой области. И лишь много позже, когда здоровенная ящерица попала в зону заражения на месте бывшего Вяцка и начались мутации, стал хоть что-то понимать и

соображать.

Постоянные стычки с патрулями послужили причиной пуленепробиваемой мощной брони, крылья выросли сами, а появлению огнемета способствовало попадание в грамотно организованную засаду. Покойной засаде не понравилось. Несколько лет Годзилка прожил в дремучих лесах, изредка сбивая пролетающие вертолеты с белыми звездами, но потом его вычислили и устроили настоящую охоту. В страшном воздушном бою, стоившем противнику трех самолетов, Змей потерпел поражение и был вынужден отступить в окрестности Славеля. Вернее, бежать... Вот там и влип по полной.

Перебитое крыло не позволяло летать, пришлось прятаться на окраине города в развалинах недостроенного когда-то дома, выбираясь по ночам на поиски пропитания. И даже опустился до того, что ел пойманных солдат из патрулей. Впрочем, людоедом себя не считал, так как насмотрелся всякого... Люди такое не творят.

Но выследили и там. При штурме его логова Годзилка успел поджечь вражеский танк и четыре машины примкнувшей к оккупантам полиции. Только везение долго продолжаться не могло – вызванный на подмогу «Апач» ударил ракетами. Взрывом маленького тогда еще Змея выбросило на улицу и сильно ударило о растущий неподалеку дубок. Небольшой, но Годзилке хватило... Он потерял сознание, а очнулся уже здесь. Правда, немного раньше.

Так и мотался две тысячи лет. То из варяг в греки, если таковые имелись в то время, то обратно. Однажды занесла нелегкая за океан. Там, по словам Годзилки, было совсем плохо. Если наши местные жители просто бросали дубины и каменные топоры, то тамошние аборигены попытались приспособить крылатого Змея к исполнению главной роли в диком и жестоком культе – жертвы ему приносили, памятники ставили... А у него желудок еще американским мясом травленный и изжога. Ушел от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.